

АПОЛОГИЯ СОКРАТА РИТОРА ЛИБАНИЯ

СОДЕРЖАНИЕ И ПЛАН РЕЧИ

Защитником Сократа, обвиняемого Анитом, выступает друг философа. Он полагает это своим долгом, так как уверен в ложности выдвинутых обвинений. Защитник тактично и убедительно напоминает судьям о необходимости не поддаваться влиянию злых происков обвинителей (пп. 1—12).

Далее следует живое описание бескорыстной деятельности Сократа, отданной совершенствованию нравов соотечественников. Сократ, несмотря на враждебность, испытываемую со стороны некоторых сограждан, недовольных его мужественной критикой, пользовался всеобщей любовью и имел множество восторженных приверженцев, к которым некогда принадлежал и Анит, охотно видевший в недавнем прошлом и собственного сына среди собеседников философа. В разговорах с юношней Сократ не раз упоминал его отца, Анита, как кожевенного торговца, что показалось Аниту тяжким оскорблением и послужило истинным поводом его обвинения, доказатель-

ством чему является выраженная Анилом еще до начала судебного процесса готовность отказаться от его возбуждения, в случае если Сократ даст обещание впредь не касаться в своих беседах профессии Анита (пп. 13—33).

Возражения защиты излагаются в следующем порядке:

1. Поскольку Сократ на протяжении всей своей жизни не менял ни образа мыслей, ни согласного с ним поведения, обвинение против него должно было прозвучать со стороны Анита значительно раньше; в противном случае обвинитель сам достоин осуждения за преступное бездействие.

2. Защитник приводит доказательства полной несостоятельности части обвинения, касающейся ненависти Сократа к демократии, каковую он, по утверждению Анита, насаждал в молодых людях своими наставлениями (пп. 54—61).

3. Оправдание обвинения, касающегося будто бы неуважительных отзывов Сократа о почитаемых повсеместно поэтах Гомере, Гесиоде, Феогниде и Пиндаре, защитник предваряет замечанием, что сами поэты нередко подвергают друг друга критике. Далее защита настаивает на том, что никакие законы, писанные или неписаные, не запрещают подобного рода критику никому из граждан. В данном случае важно лишь, справедлива ли она по существу. В этом отношении Сократ не заслуживает ни малейшего осуждения, так как все его упреки знаменитым поэтам не были лишены оснований. Наиболее авторитетным доказательством справедливости Сократа служит прозвучавшее некогда Дельфийское провозвествие о его мудрости. Многое в творениях названных поэтов Сократом и одобрялось. Оба утверждения поясняются примерами (пп. 62—108).

4. Обвинение в том, что наставления Сократа учили юношей лжеклятвам и подобным тяжким преступлениям защита отклоняет, указывая на безупречность поведения Сократа в жизни (пп. 109—115).

5. Высказанное обвинением предположение, что Сократ втайне от общества совершал поступки, еще более преступные, нежели те, что совершались будто бы им на виду у всех, отрицается защитой как совершенно абсурдное (пп. 114—116).

6. Так же несостоятельно утверждение обвинителя, что Сократ избирал в свои собеседники лишь людей молодого возраста. Возражая, защитник вновь возвращается к высказываниям Сократа о прославленных поэтах древности (пп. 117—126).

7. Следующий пункт обвинения характеризует Сократа как проповедника праздности. Защита возражает, ссылаясь на достойное всяческого восхищения поведение Сократа в битвах при Делии и Амфиполе, а именно на проявленные им там доблесть и мужество. Забота о совершенствовании души для этого человека важнее попечения о теле. Хотя сам Сократ не принимал активного участия в политической жизни города, тем не менее заслуживает всяческого уважения в глазах сограждан, так как сумел воспитать истинно деятельных и добросовестных государственных мужей (пп. 127—133).

8. Совершенно абсурдно звучит упрек Сократу в бедности, предпринятый обвинением (пп. 134—135).

9. Попытка Анита подтвердить свои аргументы ссылкой на прежнюю дружбу философа с Алкивиадом и Критием, выдает лишь совершенное незнание обвинителем истинных обстоятельств (пп. 136—152).

10. В своей обвинительной речи Анит указывает на опасность, грозящую обществу со стороны фи-

лософов, софистов и прочих мудрецов, аргументируя свою мысль известными в истории Афин фактами конфликтов последних с гражданами и суровыми приговорами, которые не раз выносили им афиняне; при этом Анит указывает, что многие из прославленных государственных мужей Афин достигали заслуженно высокого положения, не будучи в юношеские годы учениками софистов. По мнению защиты, часть обвинения, касающаяся вредного влияния софистов на общество, вообще никак не может быть отнесена к Сократу; что же касается второй, то здесь защитник приводит примеры Мильтиала и Фемистокла, которые, действительно, никогда не быв учениками кого-либо из софистов, тем не менее, также подвергались со стороны афинян осуждению и суровой каре. Обвинитель, коль скоро он не хочет заслужить упрека в непоследовательности, должен был бы признать, что отечество претерпело от названных мужей один лишь вред. Далее защита приводит пример противоположного толка, а именно Перикла, которому афинские граждане никогда не ставили в вину его дружбу с Анаксагором, несмотря на якобы стойкую неприязнь афинян ко всем без исключения представителям науки и искусства, таким, как Дамон, и многим другим философам древности. Защита указывает, что во многих государствах гражданские войны вспыхивали, затягиваясь иногда на долгие годы, без какого-либо подстрекательского влияния со стороны софистов (Спарта) (пп. 153—161).

11. И наконец, упрек обвинения, называющего Сократа сторонником тирании, убедительно опровергается разъяснением истинного отношения обвиняемого ко многим полновластным правителям,

чьи частые и настойчивые приглашения к сотрудничеству им неизменно отклонялись (пп. 162—166).

12. В заключение оратор еще раз обращается к судьям с проникновенным призывом помнить о данной ими клятве и выражает надежду, что, принимая решение, они останутся глухи ко всяческим наговорам и лжи, соблюдая лишь интересы справедливости. В случае если клевета все же восторжествует и приговором Сократу будет смерть, то это возымеет непредсказуемые последствия, которые защитник описывает в самых мрачных красках (пп. 167—184).

1. Мужи афинские! Пусть и вдвое умножились бы обвинения против Сократа, продлевая собою список предъявленных судьям, о благе государства пекущимся и от порчи его охраняющим, не стану я, вопреки сердцу своему, отрицать мою к обвиняемому дружественность. И сочту себя человеком бесчестным, если подый гговор клеветников разоблачить не попытаюсь, вам о честности и правдивости Сократа рассказав, кои засвидетельствованы были не раз словом его и делом.

2. Мне, другу Сократа, быть может, на божественную волю в судебном сем ристалище уповать должно, ибо ведают боги истину обо всех нас и справедливость хранят; но все ж и я отважусь речью своею быть оной защитою, дабы и эта малость для торжества ее послужила. Итак, вот суть дела: подученный Анитом, подал Мелет архонту жалобу; потом Ликон пред судом умением своим постарался, чтобы к смерти приговорен вами был один из сограждан; и если я смолчу в ответ, с бесчувственностью каменной на то взирая, как враги Сократовы ликуют, а судьи к клятвопреступлению склоняемы,

случится непоправимое. Ибо недостойно гражданина от помоши судьям в честном голосовании отказаться и обману искусному клеветников не воспрепятствовать. И потому взошел я на трибуну сию, заботясь о вашей, судьи, чести ничуть не менее, чем о благе обвиняемого.

3. Мысль о смерти, о судьи, Сократа мало тревожит. Ибо долгие годы жизни своей размышлением отдав, пришел он к той истине, что смерть не зло: человек, преграды плоти преодолев и страстям своим господином став, — а ведь большинство им подчиняется, главною целью пути земного полагая, — беспрепятственно в путь из мира сего в мир иной отправляется. И не станет мудрец к средствам неблаговидным для оправдания своего прибегать, хотя не раз и злодеи закоренелые с их помощью сочувствия вашего добивались: нет пред вами семейства его плачущего, и мольбы Сократовой вы не услышите,¹ и сдается мне, что иных здесь это отчасти и рассердит.

4. Но не поколеблется оттого готовность моя в защиту Сократа выступить, хотя и знаю, что возраст преклонный ему долгих лет впереди не сулит, хотя и уверен я в его к смерти безразличии; но тем яснее долг свой понимаю вас от греха несправедливости уберечь и помешать злокозненности верх взять в государстве, судей присягу нарушить, а граждан афинских горечь бесславия испробовать. Духом я тверд и готов с Анитовой клеветой побороться.

¹ Просьбы о снисхождении всегда звучали в защитительной речи; слуху афинских граждан они были настолько привычны, что отсутствие таковых казалось шокирующим (см. также: Предисловие).

5. Но, надеюсь, поможете вы мне вниманьем благожелательным. Будь Сократ оратором ловким, то приемами искусными и сам без труда пред судом бы оправдался, клевету разоблачив, и вы, судьи, с ним согласились бы и приняли решение верное. Но говорит он здесь с вами просто, будто на площади с горожанами, и боюсь я, что речью свою лишь в одном пункте жалобы вас разуверить сумел: будто он владыка софистов; посему осмелилось своим мастерством вам в разборе дела способствовать; хотя и нелегко ему с Анитовым тягаться, все ж, если помогут мне боги, в поисках истины полезным окажется.

6. Клевета против Сократа, как мне ведомо,пущена в ход иными из его собеседников. В ярость и гнев слова мудреца их приводили. Не огорчались они своим невежеством, а, напротив, ненавистью к тому возгорались, кто нерадивых в постижении истины и науки жизни человеческой усовещивал. Сумели заразить ею многих, и все более костер вражды вздувая, так поносили Сократа недруги: «Муж сей злодей, нечестивец и юношей развратитель».

7. И вот, вознадеяясь на легковерных сограждан сочувствие, подали истцы свое обвинение. Рассказывали мне, каков ответ их был одному горожанину, когда тот в законности жалобы усомнился: знаем мы о судей к ответчику нерасположении. Как давно жаждут обвинители ненависть свою утолить! И верит Анит со своими наперсниками, что поможете вы, судьи, его ожиданиям исполниться. Надежда напрасная! Почему, уверен я в этом, спросите? Впервых, из-за вашей, сограждане, к правде тяге, в коей не раз убеждался, ибо на многих лицах одобрение замечал, когда со лжеца и баxвала речи Со-

кратовы спесь сбивали, а иных из присутствующих — благодарение богам — учили добродетели.

8. Но важнее второе: пусть все до одного вы, мужи-афиняне, и все судьи на Сократа разгневаны, — если и подлинно это так — достойно ли негодование свое решением судебным узаконивать? Ибо нет здесь места, о судьи, ни ненависти, ни любви, и не для того вы собрались, чтоб за прежние обиды или, напротив, благодеяния воздать; нет, одна лишь истина говорить должна устами вашими о вине иль невиновности.

9. Вспомните слова Солоновы: вот тяжба меж двумя, и кто-то из судей — друг одному из соперников, а кто-то, положим, враг. Но да не вмешается в приговор, согласно клятве данной, благоволение иль неприязненность, как и всякое недолговечное чувство человеческое. И если есть средь вас, судьи, тот, кем Сократ ненавидим,¹ пусть забудет, принимая решение, о сердце своем и помнит об одной справедливости, божеством хранимой, ибо пренебрегший оной при голосовании недолго будет злорадствовать и навлечет на себя, на дом свой и потомство расплату тяжкую.

10. И смерть для обвиняемого карой избирая, пусть вспомнит судья об обязанностях своих пред народом афинским и чести, а не радуется слушаю докучливого нравоучителя к молчанию принудить. Смеемся мы в театре над комедией и соглашаемся с сочинителем, когда порок он обличает, но не

¹ Очевидно, многие из судей были заранее согласны с Анитовым обвинением; поэтому защитник неоднократно, со всяческой, разумеется, осторожностью, напоминает им о долге совести.

оттого, что добродетельны сами, а всего лишь природе Дионисий¹ следуя, коя в смешливости человеческой толк знает. Но если афинянин в Народном собрании, на сцену судебную взойдя, с обвинителем, не раздумывая, ролями обменяется, то повредит тем себе не меньше, чем недругу осужденному, ибо триумф его мнимым окажется, обернувшись затем поражением. Погибнет обвиненный не в одиночестве, познают и дети его глубину позора; но суды неправедливого потомкам тою же участью воздастся.

11. И богохульствует муж, когда осуждает невиновного, хоть и кажется себе охранителем благочестия, ибо боги проклинают поступившего против истины.

12. Но довольно, о судьи, рассуждать о невместном вмешательстве видов личных в ход процесса, если и прав я, предположив, что кто-то из вас от обиды кипит на обвиняемого; и довольно напоминать вам о необходимости установлениям богов в приговоре следовать, именем которых клялись вы, в должность свою вступая. Верю и так я в ваше здравомыслие, а потому перейду лучше к причинам, кои превратили Анита, друга Сократа некогда, в его обвинителя.

13. Они вовсе не в преизбытке любви к вам, сограждане, коренятся и не в заботе о безопасности детей ваших, но совершенно в другом. В речи своей разберу я Анитовы обвинения, следуя их порядку. И коль скоро удастся мне убедить вас в том, что Сократ никогда не учил юношей ни мошенничеству

¹ Здесь имеются в виду Ленеи, праздновавшиеся в январе—феврале в самих Афинах и являвшиеся продолжением сельских Дионисий.

неправедному, ни безбожию, как и клятвопреступлению и к законам пренебрежению, а напротив, нравственности и истине, и всегда о благе государства более всех прочих сограждан заботился, то пусть имя обвинителя, в силу решения вашего, позор покроет.

14. Слушайте же, о судьи! Сократ, сын афинский, вырос в законах нашего отечества, и мудростью свою стяжал городу всесветную славу, доказав, что по праву Афины символом¹ своим возвеличены. Многое он на пути жизненном отринул [из того, что приносит удовольствие], никогда не помышляя о стезе безнравственной, как здесь Анитом утверждается, а ради истины и добродетели, кои первостепенной заботой и главным благом смертного почитал; на дороге же сей далее всех продвинулся.

15. Не избирал он занятием для себя ни землемашество, ни мореплавание, ни то ремесло, что чрез недра земные богатство приумножает; и в искусстве риторском не совершенствовался, хотя и знал, сколь оно выгодно, так как власть дает над кошельками толстосумов праздных, но главное, над умами людскими, о чем не один из вас, афиняне, мечтает, даже и тот, кто состояние немалое от предков наследует. И все же ни одно из дел названных не считал Сократ счастье дарящим, ибо понял, что для богов душа смертного всего важнее, и воистину тот лишь счастье познал, кто чистоту ее сберег, стремясь к добродетели. А надежной попутчицей на стезе достойной считал Сократ философию. И вот, пренебрегая тела призывами, отдавал он дни свои лишь созиданию души совершенной.

¹ Вероятно, имеется в виду сова.

16. Не касался он, с людьми беседуя, природы небесной и солнечной, путь Луны вычислять не собирался и причин молнии и грома не искал, так как полагал знание сих предметов бесполезным для жизни человека; но время свое и все силы души посвящал размышлению об истине, и о том, кто подлинно мудр и храбр, и в чем благо семьи и отечества заключается; вот о каких вопросах он с любым поговорить был рад, учителем себя не называя и платы за слова свои не требуя, что сделал бы непременно странствующий софист.

17. А вступил он на путь сей, не будучи ни наследником богатым, ни просто человеком состоятельным, имеющим средства на досуге о подобном раздумывать. 80 мин оставил ему отец после смерти, о судьи! Товарищу отдал он деньги свои, дабы поддержать его предприятие, и, не дрогнув, известие принял о крахе затеи, хотя и знал, что предстоит ему отныне жить в бедности, какую и описать не берусь.

18. И что же? С пути выбранного Сократ не свернул, ни в нем, ни в себе не усомнился, а ведь был уже семейством обременен. Не стал искать путей нечестных к благополучию; об утраченном не вспоминал и обходился малым: во всякое время года одним и тем же плащом прикрывался, воду пил будто фасское вино, и пищей обходился самой простой; и то немногое, что имел, выше роскоши персидской ставил. Друзья его иной раз поддерживали, но никогда не был Сократ им в тягость.

19. Ни в чем образу жизни, мною описанной, не изменяя, он повсюду — в палестрах, в гимнасиях, в Ликее, в Академии,¹ на площади рыночной — то есть

¹ Первоначально Ликей и Академия — просто названия мест в Афинах; впоследствии там возникли школы преподавания Аристотеля и Платона.

там, где обычно горожане собираются, с ними беседовал по-отечески, о вашей, афиняне, пользе думая и ей одной служа. И литургия его была Панафиней и Дионисий важнее, ибо радость и веселье празднеств преходящи, а Сократово воспитание к добру и истине вас устремляло и помогало пороку противоборствовать.

20. Не позволял он совести правителей афинских уснуть, государства кормчих, напоминал им неустанно об обязанностях пред вами, сограждане, о знаниях и мудрости, которых должность их высокая требует, об интересах ваших и государства пользе. И побуждала говорить его — боги да засвидетельствуют — не бранчивость пустая, а желание в праздности прозябающих растормошить и проверке дела их подвергнуть, ибо не должно владыкам безотчетно властвовать, и руль корабля государственного ленивому доверять; нет, пусть будет руке умелой и честной он послужен.

21. Речи Сократовы многим не по нутру были, и наживал он себе ими врагов. Но коль скоро поразмыслили б вы о сути их без пристрастия, то поняли б, что для интересов общих он от жала и ничтожного упрека вас избавить не хотел. Скажу прямее: знал Сократ, как велико ваше рвение, афиняне, в заботах о теле и имуществе и как нерадиво душа ваша трудится, детям пример дурной подавая. И непрестанные его речи воспитывающие позволяли надежде жить, что люди разумные устыдятся и исправятся, хотя злонравие наихудших и не поколеблется.

22. Вспомните о спорах Сократа с софистами, по всеместно прославленными, с Протагором, Горгием, Продиком, Фрасимахом,¹ и прочими; золота звон их

¹ Протагор (ок. 480 — ок. 410) — один из известнейших греческих софистов. О его образовании и учении со-

из города в город манил, как овец весною зеленое пастище; приводил и в Афины. Не раз вы вопросы Сократовы слышали, к ним обращенные, и ответы мужей знаменитых. И понимали вы, афиняне, сколь не заслужен их почет, и сколь несведущи они в том предмете, которому учить брались, и достаточно были здравомысленны, чтоб догадаться: не стоит юношам афинским соблазняться знанием поверхностным. Благодаря Сократу ясней-ясного становилось для вас

хранились лишь немногие сведения. Прежде чем посвятить себя исключительно философии, занимался грамматикой и риторикой; именно он впервые назвал себя софистом. Многие положения из его учения сохранины и известны нам благодаря Платону. Утверждал, что не знает, есть ли боги или нет, вследствие чего в Афинах считался атеистом и был изгнан из города, а сочинения его публично сожжены. Горгий Леонгинский, по мнению некоторых писателей, ученик Эмпедокла, уже преклонных лет, в 427 г., приехал в Афины в качестве посла своей родины; немного спустя поселился в Греции, странствовал по греческим городам и приобрел много славы и денег своими речами и преподаванием; считается одним из основателей риторики, разработал систему стилистических фигур, получивших название «горгиеевых». Продик — греческий софист и грамматик из Юлиды на Кеосе; был близок со знаменитейшими людьми своего времени — Сократом, Ксенофонтом, Дамоном, Еврипидом; большая часть этих людей прямо называлась его учениками (см. также: Платон. «Апология Сократа», прим. к с. 50). Фрасимах из Халкедона, пришел в 430 г. в Афины и занимался спачала философией, затем риторикой и обучением ей; Платон причисляет его к софистам. Из сочинений Фрасимаха исключительно риторического содержания сохранились только отрывки; по преданию, повесился вследствие пресыщения жизнью.

различие меж истиною и разглагольствованиями пустыми, за кой немалой платы софисты требовали, хотя лучше б, верно, сами на уроки потратились, чем в чужие кошельки залезать.

23. Оттого-то и спешили вы за Сократом, и всегда он был окружен толпою знания ищущих и тех, кто искусству спора поучиться не прочь; оттого сопровождал сии поединки словесные ваш искренний смех, ибо видели вы, как с толку всезнайки сбиты, как, от самолюбия терзаясь уязвленного, выражений не находят и словно рабы невежественные, в любую щель от позора забиться рады. Вот какие уроки вас, сограждане, воспитывали, и заслушивались вы колдовскою силой слова Сократова, и детей своих к нему посылали, ибо все больше убеждались: пусть и малость от щедрых даров мудреца им достанется, все ж полученное любого золота дороже.

24. К почитателям Сократа относился некогда и Анит, ныне злейший враг последнего. И Анитовы сыновья с Сократом беседовали и беседам тем раздавались, а Анит их от этого не удерживал, и не бранил, так же, как и вы, судьи, своих сыновей. Ибо знали вы, что в обществе достойного желание подражать ему рождается, и чем чаще встречи, тем оно сильнее и искренней; и наставления Сократа для юношей полезны, ибо к добродетели их присоединят смогут и научат, как порокам не поддаться: чревоугодию, страсти к вину; воспитают честность и умеренность, с людьми влиятельными неискательность. И о крепости телесной юноши не забудут: холод и солнце палящее перенесут мужественно, жажды и голода не побоятся. Словом, воинами на поле боя к врагу беспощадны будут, а судьями к нему же справедливы.

25. Что же почтенного Анита разгневало, отчего он ныне Сократа обвиняет? Отчего смерти для мужа требует, коего прежде образцом сыновьям своим полагал и не раз говорил о том во всеуслышание? А дело вот в чем, судьи. Ремеслу обучая, мастер примерами рассуждения подкрепляет; метод сей всем знаком, и, как ни старайся, никто без него предмета урока своего объяснить не сумеет.

26. Вот и Сократ, о науке жизни добродетельной беседы с афинянами ведя, горожанам, средь которых встречались и сапожники, и кожевенники, и шерсти красильщики, и прочие люди ремесленные, о том говорил, что каждое дело внимания требует и серьезности; кто правилу сему следует, тот и лучшим мастером становится и труд добротный от небрежного всех легче отличит; мысль сию поясняя и Анита, бывало, упоминал. Тот от дела доходного отказаться не намерен был, однако, сердило его, что Сократ называет его торговцем кожевенным, будто было в названии нечто обидное.

27. Но чем же позорно ремесло твое, благополучие прочное семье приносящее? Так и Сократ отце своем, Софронике-Каменотессе, не раз рассказывал и матери ремесла ничуть не стыдился.¹

28. И о всяком людском занятии говорил он с уважением, по имени его называя, если требовала того цель рассуждения, так как не любил оставлять в словах недосказанности. Всем собеседникам его это было понятно, и Аполлодора² речи его не сер-

¹ Мать Сократа была, как известно, повитухой.

² Аполлодор — один из близких учеников Сократа, упоминаемый Ксенофонтом в «Воспоминаниях» III, 11, 17 и Платоном в «Пире» и «Федоне».

дили, и Ксеноклид ни в чем Сократа укорять не думал. А вот Анитова ремесла коснуться опасно, будто тирана помянуть непочтительно.

29. Но повторяю, не заблуждайтесь, мужи-афи-
няне, и не верьте, что Анит в заботе о вас суд сей
затеял, или с целью единственной детей ваших от
развратительства спасти. Ибо не будь Сократ другом
истины, согласись он тщеславию Анитову польстить
и лишь о богатстве мужа сего, от отца к нему
перешедшем, в разговоре с людьми касаться, то не
стал бы Анит обвинителем, и о Сократе-безбожнике,
юношей губящем, вы б не услышали. Ибо движим
Анит не тревогою за вас, а обидой за себя; не за
отечества благополучие радеет, а за гордость свою
уязвленную; не согласен он тем называться, кто и
в самом деле есть; вот что сюда его привело, вот
отчего к сикофантам¹ за помощью он отправился,
и Мелета подкупил — а уж тот за единую драхму
на любую подлость согласится.

30. Есть у меня доказательство, и весьма веское,
в том, что вовсе не тревога о вас Анита переполняет,
а нечто иное покоя не дает. Слушайте, о суды: уже
подав жалобу, пытался обвинитель с Сократом сго-
вориться: пусть бы тот вперед, с горожанами беседуя,
не называл Анита кожевником, и тотчас от обви-
нения он откажется. Выслушав предложенное, от-
ветил Сократ, что не предаст правды ни ныне, ни
впередь, до последнего своего дня, даже и в мелочах,
и на любой вопрос точных ответов искать будет, и
ни одна угроза его умолчать не заставит, что для
истины необходимо. Услышав сию отповедь, отдал

¹ Платные, даже профессиональные, доносчики.

Анит в руки ваши, о судьи, мужа, не пожелавшего и крупицы правды ради безопасности своей скрыть.

31. Выходит, не меньше Анита с Мелетом Сократ началу процесса сего спешествовал. Ибо ответь он Аниту согласием и навсегда ремесло того из памяти вычеркни, то бесправожно сейчас, как и прежде, в Ликее с согражданами беседовал.

32. Но природа избранника не дала Сократу угрозам покориться и безопасность себе ценою умолчания купить; не побоялся он суда, ибо верил, что оправдаться сумеет жизнью свою, образом ее и правилами, истина будет невиновности его свидетельницей и поручительницей, а не говор постыдный с клеветниками.

33. Слова мои, надеюсь, послужат вам двояко: во-первых, в том убедят, что вовсе не из заботы о юношах афинских и согражданах Анит присутствующего здесь Мелета на обвинение подстрекнул; во-вторых, откроют вам, мужи-афиняне, что Сократ, будучи в силах процессу судебному ходу вовсе не давать, не побоялся все же дождаться приговора вашего, ибо не знает за собою деяний дурных и кары достойных. Говорили мне, и немало меня слышанное порадовало, будто еще при жеребьевке кто-то из судей вероятных удивлялся, отчего ж обвинитель так долго медлил и наблюдал хладнокровно, как Сократ злое дело творит; и закралось в души многих сомнение: не свидетельствует ли сие промедление, что из видов личных Анит на жалобу решился, а не от гнева праведного.

34. С этого и начну я свои возражения обвинителю. Итак, пред лицом собравшихся, задаю я Аниту, патриоту отменному, свой вопрос: во имя богов, ответь мне: старец сей, семидесяти лет достигший,

только что, либо год назад, иль может, сегодня пороку учить начал, а прежде слыл мужем честным, нимало государству вредить не мыслившим; то есть являя собою все годы предшествующие образец порядочности и нравственности, и лишь с недавней поры пороку ненавистному предался?

35. Что скажешь ты на это, Анит? Почему молчишь? Всегда он злодеем был, иль лишь к закату жизни приближаясь, на путь дурной свернул? Ты молчишь? Что ж! — и это ответ. Называл ты здесь имена всем известные,¹ утверждая, что тяжко отчизна под гнетом мужей сих страдала, а Сократа называл их учителем; но раз так, выходит, давно философию своею он зло сеет?

36. Почему же, о ревностный юношей заступник, молчал ты, и медлил на помощь согражданам прийти, хотя давно уж умысел преступный разгадал, а Сократово кощунство тем временем продолжалось беспрепятственно и дурное взращивало? Ты, соотечественник наш, видел, как юноши к Сократу льнут? И беседы их слышал? Или станешь ты тем оправдываться, что Сократ для бесед уголок выбирал поукромнее, и связывал присутствующих клятвой, чтоб ни словом о слышанном не обмолвились, а уж затем учил безнравственности; и долгое время так все и шло, пока кто-то из соучастников болтливых, бремени тайны не выдержал, с посторонним ею не поделился?

37. Но любой из вас знает, что бывал Сократ всё в местах многолюдных, и толпы афинян за ним по пятам следовали, так что скорей многочислен-

¹ Речь, по всей вероятности, идет о Критии и Алкивиаде (см. Предисловие и Ксенофонт. «Воспоминания о Сократе», прим. к с. 111).

ность его сопровождавших иному завистнику б не понравилось, нежели то обстоятельство, что допускал он в круг собеседников лишь немногих, и притом юношей. Разве не был ты сам, Анит, среди его слушателей, и стало быть, коль вредны были слова Сократовы, не мог пагубности их не заметить, не понять, как растет зло и распространяется и в какую цель метит.

38. Как же поступил бы, окажись на твоем месте, муж, о благе города радеющий? О возмущении своем при всех бы вскричал, дабы болезнь здоровых не заразила, и так бы возвзвал к согражданам: «Слушайте, о афиняне! Сократ замыслил детей ваших врагами законов сделать. Государство в опасности, так как софист сей воспитывает юношей негодиями, тиранами и разрушителями конституции. Неужели мы ему не воспрепятствуем? Неужели не прогоним злодея прочь из города, а дожидаться станем, пока питомцы его законы упразднят?» Вот что сказал бы муж, отечество любящий, а вслед за тем без промедления с обвинением пред судом вышел, либо о том позаботился, чтоб другой его в деле сем заменил.

39. Или забыл ты, Анит, об архонте-царе и эвмолпидах,¹ кои издавна верно службу свою несут, либо к богам благочестие в Афинах превыше всего ставится? Открой же судьям, в чем причина задержки. Может, миролюбив ты без меры и жалостлив? Однако ныне кипишь ты от злобы к ответчику, и

¹ Эвмолпиды — одно из двух древних поколений жрецов (другое — род Кериков), которые под надзором архонта-басилевса (царя) управляли элевсинскими мистериями; в процессах, касающихся нарушения мистерий, они имели власть судейскую.

неистово смерти его требуешь, что как раз об обратном свидетельствует. А любви к согражданам, видно, ничтожно мало в душе твоей — не хватало жара ее для отечества и безразличен ты к тому оставался, что разрушители демократии речами воспитываются злоумышленными.

40. Но раз так — один ли Сократ виновен и кары достоин, или вы оба: Сократ за пагубность наставлений своих, ты же за потакание ему и бездействие преступное? Ибо тот, кто дурным делам мужа бесчестного не воспротивился, хотя и в силах был государству помочь, сам законы нарушает. Итак, либо Сократ ничем пред законами афинскими себя не запятнал, и потому молчал доныне обвинитель, что оснований для жалобы не было; или оба пред лицом отечества преступники: Анит-укрываемый Сократа-нечестивца ничуть не менее.

41. А может, вот какой, афиняне, ответ годится: не попустительствовал Анит наглой дерзости, а просто мужа, которого видите вы пред собою, ныне оклеветал. Вспомните, для сравнения, как привычный порядок вы в доме своем соблюдаете и представьте, к примеру, что один из рабов на имущество ваше позарился. Согласится ль хозяин новой проделки слуги дожидаться, позволит разве на руку нечистому в покое и довольствие в доме до старости мошенничеством промышлять? Нет, наказание: колодки, плети, галеры, а то и пытка, тотчас за первым проступком последуют. Почему же Анита долгие годы нимало не тревожило, что Сократ в Афинах демократию губит и сограждан, государству враждебных, воспитывает?

42. Оставляю вопрос сей на ваше решение, и добавлю лишь вот что: допустим, множество дел

неотложных все время Анитово без остатка занимали и досуга ему не оставили злодейские речи Сократовы пресечь. Но и сие объяснение, мужи-афиняне, обвинителя не оправдывает. Ибо не вправе никто из нас все помыслы заботам о доме своем и делах семейства отдавать, если опасность грозит государству. И какие бы хлопоты Анита ни обременяли, все ж упрека горького он заслуживает, о благе общественном вперед всего не позабочиться.

43. Но пусть и силой Анита молчать заставили — отчего же никто другой процесса судебного не открыл? Разве мало риторов в собрании народном на трибуну всходит? Не толпятся разве в судах обвинители во множестве, и по истинным злодеяниям, и клеветники, которых вражда сюда привела, страсть к внутренним распрям в городе, наконец, корыстолюбие? Не высится ль пред эпонимом¹ горюю жалобы, где прочтет: «А. обвиняет В. том-то и том-то»? Отчего ж не нашлось среди них таблички, что Сократа из Аlopеки в безбожии, развратительстве, дерзости и тому подобном обвиняла бы?

44. Муж законолюбивый, о высоком титуле «управителя государства» мечтающий, ни средств, ни времени для достижения его не жалеющий, не медлит никогда, чтоб и ничтожного воришку изобличить, и суд из-за кражи крохотной суммы созывает, ибо твердо знает: уверить афинян должно, что нет для него мелочей в жизни государственной, и факел сторожевой, к справедливости путь освещающий,

¹ Член коллегии из 9 архонтов, которые управляли Афинами. Коллегия состояла из архонта-эпонима (по имени которого назывался год), архонта-басилевса, полемарха и 6 фесмофетов.

из рук его не выпадет. Что ж бы вдруг Сократу потворствовали, и чуть не дарами осыпали, взирая безразлично, как тот словами бесстыдными яму отечеству роет и конституции корни подтасывает?

45. А бывало, что и мужи знаменитые, государства могущественного управители, пред судом стояли защищаясь; ибо, клянясь демократии в верности, в мыслях своих владыками видели себя самодержавными, на зависть и самим лакедемонянам; их, победителей в битвах морских, островов покорителей, слава и почет от обвинения не избавили.

46. Или, может, бедность Сократову обвинители щадили, или неопытность его в красноречии, хотя не побоялись некогда и оратора величайшего¹ в искусстве ослепительном, к тому же господина полновластного над войною, миром и благом общественным, на суд отдать? Разве не нелепо сие предположение? Но почему же не нашлось до сих пор обвинителя средь множества очевидцев слов и дел Сократовых, по словам Анита, преступных? Проста разгадка: лишь ныне Аниту об услугливости сикофантов вспомнилось. А ремесло это прибыльное, и истцу часто выгоду сулит, коль скоро его и доносчика усилия успехом увенчиваются; и раз до сей поры, за все годы жизни философа долгие ни один из сограждан к сикофанту за помощью отправиться не вознамерился, то факт сей сам по себе свиде-

¹ Имеется в виду Перикл (ок. 495 — 429), выдающийся государственный деятель. Со стороны матери происходил из рода Алкмеонидов. Принадлежал к демократической партии, достиг исключительного влияния в политике. Время его правления считается периодом наивысшего расцвета Афин (так называемый «Золотой век»).

тельством Сократовой невиновности и основанием для оправдания его послужить должен.

47. Из того, что еще сказать бы я мог по этому поводу, судьи, остановлюсь лишь на самом, по мнению моему, примечательном: обвиняет Анит Сократа, мужа афинского, беседами об истине и науке жизни согражданам известного, будто ритора за-правского. Они на трибуне ораторской роль советчиков городу исполняют и управителей ваших, не обинуясь, изобличать должны, если убедятся, что власть тех во зло идет отечеству. Сократ же в гимнасиях и палестрах вопросы задавал разнообразные и с теми, кто рядом оказывался — будь то софист, иль человек простого звания, — ответов на них в споре искал. Такой ли путь к цели желанной разрушитель государства избирать привык?

48. Но довольно уж занимал я внимание ваше, о судьи, подобными несуразностями. Лишь последний вопрос хотел бы задать обвинителю: итак, Анит, утверждаешь ты, будто Сократ — враг демократии; стало быть, сердцу его тиран во главе государства любезен. Но кто же? Имя нам назови Сократова избранника. Уж не себя ль самого — да простят ми боги кощунство — в мечтах тайных видел с охраною личной, и войском несметным из рабов и наемников сопровождаемым?

49. «Нет, в жизни повседневной он привычки к пышности не имел и не мечтал о титулах высоких, — признает Анит. — Но вот других к властолюбию напутствиями подталкивал». Допустим. Но тем самым Анит и своей вины бремя, в придачу к упомянутому мною опасному для города промедлению, увеличивает многократно, так как тотчас вспомнятся нам соотечественники, Сократовы на-

ставления слышавшие и за истину их принимавшие. Ныне, выходит, все они против законов. Но почему тогда не стоят перед вами, и нет обвинения против них Анитова? Разве законы лишь подстрекателя к каре приговаривают, а исполнителя замысла преступного милуют? И признаем ли законы правоту, если они вдохновителя убийцы осудят, а совершившего злодеяние невиновным назовут? Нет, уверен я в решении судей противоположном.

50. Но здесь перед вами Сократ, законы упразднить убеждавший, в одиночестве, и никого больше, наставлениями пагубными прельстившихся, хотя и знают мужи, на страже законов стоящие, что никому из врагов демократии от наказания уйти не должно; а значит и юношам, Сократом подученным, иначе затаят они злобу в душе и за смерть учителя отечеству мстить станут. Разве допустит врач опытный болезни росткам в теле затаиться, а затем корни в нем пустить?

51. Да, уличи Анит Сократа как злоумышленника, не говоря при этом, что афинянин мысли вредные в умах юных сеял, не упрекнули бы мы обвинителя, что не призвал к суду и сообщников. Но внятно названы Анитом все юноши, сыновья ваши, отравленными беседами с Сократом, и в сердце своем государства недругами: а значит, подлежат и они правосудию. И будь искренна об отечестве тревога и бескорыстно о нем истца попечение, не потерпел бы он учеников, смертью учителя ожесточенных, средь сограждан свободных.

52. Тем не менее обвиняется им лишь Сократ. В чем же дело? Да просто нет у Анита и быть не могло, о чём он знает отлично, улик истинных ни

против Сократа, ни против любого из его сторонников и почитателей, то есть оснований для начала процесса судебного. Что именно в вину им Сократу ставится? Его называют софистом. Он оскорбляет нравственность. В комедии высмеян. Не платит налогов. Как наговоры подобные к юношам отнести, не опасаясь, что на смех тебя поднимут? Но за мудрецом клевета сия давно по пятам ходит, и можно ею для обвинения воспользоваться и на успех лжи рассчитывать, когда доказательств правдивых представить не можешь.

53. Давайте поразмыслим. «Он народу враг, — утверждает обвинитель, — и приверженцев учит над демократию глумиться». Каким же способом, во имя всех богов, Анит? Может, книги против демократии, рукой его писанные, видел ты, и докажешь, что вслух их Сократ читал товарищам? Нет, ни того, ни другого удостоверить не сможешь. Значит в изустной беседе муж законы упразднить подговаривал? Но кто хотя бы слово одно из речей Сократовых припомнит, утверждающее, будто государства и законов значение исчерпано, и лишь тирана владычество вновь отечеству былую славу вернет? Где же Ликей тот, в коем похожее произнислось? Где те палестры и мастерские ремесленные?

54. Между тем, что мешало Сократу тиранию открыто приветствовать и симпатии своей к ней не таить? Говорил он людям всегда открыто и прямо то, что думал, без опасения мысли свои им доверяя, а иначе слова, в коих обвинитель ныне его упрекает, вовсе бы втуне остались. И в собеседниках своих друзей Сократ видел, и стало быть, мог откровенно Писистрата хвалить в разговоре, Гип-

пия и Гиппарха,¹ а годы правления их веком Афин золотым называть.

55. Оратор, в пользу совета своего не обинуясь, ясно и точно мысль излагает, слушающего в ней убеждая, радуется, если цели достигнет, гневается, коль скоро непонимание или несогласие обнаруживает. На неторопливые беседы Сократа никоим манера сия не похожа, и никто из вас, судьи, афиняну не поверит, если тот доказывать станет, будто пыла Сократ для речей не жалел, чтобы прелести рабства под игом тиранов сыновьям вашим расписывать.

56. Однако требует логика рассуждения, судьи, предположить и такое: допустим, опасался Сократ до времени тайные помыслы свои перед слушателями раскрывать, и маскировал их иносказаниями; но постепенно убедившись, что юноши — слушатели благодарные, на прямые к тирании призывы решился. Похоже ли это на правду? Юнец безбородый, вдруг на трибуне пред собранием народным оказавшись, до конца хочет высказаться, используя и крайности, лишь бы протесты несогласных чем угодно опровергнуть. А Сократ? Окружен он всегда был

¹ Писистрат, афинский тиран, происходил из древнего знатного аттического рода Филаидов; человек редких способностей и замечательного красноречия, по матери сродни Солону; Гиппий, сын Писистрата, со своим братом Гиппархом поддерживал отца, и по смерти Писистрата, последовавшей в 527 г., наследовал тиранию; однако и Гиппарх занимал в управлении обществом влиятельное место. Писистрат приобрел себе бессмертную славу предпринятым им собранием и атрибутированием текста Гомеровых поэм.

слушателями внимательными, которые чаще всего, как известно, с возражениями его соглашались охотно; и никакого труда было для него не составило любого на свою сторону перетянуть — что ж за причина так долго самое важное, сокровенное от окружающих таить?

57. Но вернемся к сути дела. Дважды за те годы, что Сократ был в числе сограждан наших, перемены пришлось претерпеть своду законов: после несчастья сицилийского, и после поражения у Эгейского моря.¹ Есть ли свидетельства, что Сократ примкнул к олигархии, был ли муж сей в числе Четырехсот, либо Тридцати? Сторонником Писандра? С Ферамоном рядом стоял ли пред судьями? С Фринихом был ли единодушен?

58. Но может, публично от соучастия в их устремлениях обвиняемый отказался, а втайне заодно с ними был и на благо тех же целей трудился? Не было этого, судьи; хотя и мог бы я некое имя сейчас назвать,² кого упрекнули бы вы в сем справедливо, имя мужа, коего все вы помните, и кто ответ потом пред вами за дела свои держал — но имя сие другое. Сократ же с тиранами не знался, ни в начале, ни в звездный их час, а потому с низложенным на суд вызван не был.

¹ Здесь упоминаются события Пелопоннесской войны (период 413 — 411 гг.); битва при Эгейском море — 405 г. Называемые далее личности — известные деятели олигархической партии.

² Имеется в виду выдающийся оратор Алкифонт (подробнее о нем см.: Фукидид. История. VIII, 68). После свержения олигархии (правительства Четырехсот) Алкифонт должен был защищаться по обвинению в государственной измене как участник заговора.

59. Никогда он переворота и властителей незаконных не желал, как иные, что, из боязни чести своей в глазах сограждан урон нанести, от правителей неправедных держались на расстоянии, а в душе подло гибели демократии радовались. И раз заговорил я о Тридцати, не могу вам, афиняне, не напомнить, что не только не был Сократ ни соправителем их, ни делам их панегиристом, но напротив — осуждал все ими предпринятое в государстве нашем, и от любых встреч с учеником и товарищем прежним, Критием, уклонялся. И вот так-то человек поступал, тирании приверженный, и победу ее, по словам обвинителя приветствовавший и приближению ее изо всех сил помогавший? Отчего ж он в мечте долгожданной, торжества ее дождавшись, разочаровался и, демократию увидев во прахе, погрузился вдруг в скорбь и печаль?

60. Так где ж рабство пестующий и тирании проповедник? Ну-ка, Анит, ответь! Кто из юношей, по совету Сократову, Драконтида, Харикла, либо Мелобия¹ мужами считал, подражания достойными? Кого из мужей, мною названных, Сократ уговаривал сыновей афинских в круг свой ввести, дабы к делам управления те присмотрелись и тирании уроки усвоили?

61. Приведет Анит в подтверждение сказанному аргументы неоспоримые и примеры, наглядно факты доказывающие, согласимся мы с тем, что, невзирая на промедление, с правой речью сюда пришел, о

¹ Некоторые из главных деятелей и учредителей «тирании Тридцати». О них, в частности, рассказывает Ксенофонт в своей «Истории Греции» — II, 3, 2.

безопасности отечества одного помышляя. А не сможет дружбу Сократа с тиранами засвидетельствовать, и клеветою продолжит его пред судьями чернить, подстрекнет вас тем клятву нарушить, что богам справедливым давали.

62. Что же далее Анит Сократу в вину ставит, какою ложью сограждан дурачит? «Гесиода, Феогнида, Гомера и Пиндара,¹ поэтов прославленных в Афинах, и далеко за пределами города нашего, он (Сократ) высмеивает и многое, ими сказанное, вздором считает».

63. Но неужели не свободны мы в пристрастиях личных, Анит? Над тобою и мной, над афинянами и чужестранцами, стариками и юношами, словом, над всеми, кто поэзию наслаждается, не законы властны, а настроение мгновенное волю диктует. Тот похвалит, другой промолчит. И никого за сие не осудят, пусть и погрешит кто-то против истины. При виде статуи один придет в восхищение, а приятель поморщится, и искусство ваятеля в частностях разбранит или вовсе отринет; то же творений поэтических и прозаических касается: кто-то восторгается, другой с ним спорит. И боги не разгневаются, если вчера стихом восхищавшийся, иначе сегодня о нем отзовется, и мнение переменит на противоположное. Ибо чем пристальнее мы в предмет вглядываемся, тем глубже он нам суть свою раскрывает. Не смешно ль за помощью идти к правосудию, если

¹ О Гесиоде — см. Ксенофонт «Воспоминания о Сократе», прим. к с. 123; Феогnid — см. пункт 88 «Апологии» Либания и прим. к с. 177; Пиндар (ок. 520 — ок. 446) — знаменитый поэт-лирик, автор гимнов, дифирамбов, торжественных од.

собеседник в оценке предмета искусства с тобою расходится?

64. Как поведет себя в сем случае человек воспитанный? С противником разумным поспорит, не теряя достоинства, о том не забыв, что вкусов различие закономерно; если же с хулиганием сойдется, пустоголовым и невежественным, то логикой рассуждения правоту своих возражений докажет, ему иль, по крайней мере, собравшимся. К такому диспуту мужи-философы друг друга приглашают, а законы иные тяжбы разбирают. Поясню примером, на мой взгляд, все сомнения в вопросе непростом разрешающим.

65. Спорили как-то за первенство Гомер с Гесиодом, о чем в эпиграмме последний рассказывает, победителем себя объявляя горделиво. Никто б сего не оспорил в том случае, если голоса арбитров, все до единого, Гесиоду были б отданы, и с тех пор соперник проигравший считался б, увы, писателем второстепенным. Но лишь часть судивших, пусть и большая, Гесиода лучшим назвала, были и те, кто Гомера держал сторону; и я, окажись там, к их числу бы примкнул.

66. Об истории сей во многих сочинениях повествуется, но ни в одном не нашел я ни слова о суде, что в Халкидоне¹ состоялся над тем, кто Гесиода или Гомера побранил. Стало быть, эллины, кои голос живой величайших поэтов слышали, не боялись о нихвольно высказаться, а мы, их потомки, и рта раскрыть не смеем, коли жизнью дорожим, когда то иль иное в творениях их нам не по нраву?

67. Согласишься ли, Анит, Еврипида, Софокла, Эсхила к сонму мудрейших причислить? Зевсом кля-

¹ Торговый город в Вифинии.

нусь, уверен я, что за честь ты примешь, как и каждый из нас, из уст сыновей своих на празднестве дионаисийском со сцены стихам всем известным внимать. Но разве зрители немотою наказаны и слова против услышанного сказать не вправе? Публика многотысячная иной раз и конца представления не дожидается, если что-то ей не по душе; тотчас свист со скамей раздается и топот, и никто при том времени на размышление не тратит — понапрасну он актера ошикивает, иль заслужено. А комедия остроумная часто трагедию уколом язвительным жалит и тем-то успех у горожан снискивает — может, и это безнравственно?

68. Далее. Любому из нас разрешают законы лицу должностному, высот в управлении образованием достигшему, на ошибки в делах указать; но за тот же самый поступок, коснись он знаменитого мужа древности, на суд надлежит тащить афинянина? Почему же мы тем не возмущались, что Аристофаном Сократ в комедии высмеян,¹ и осталось сие зубоскальство черным по белому навеки записанным для потомков, ибо никто слов в книгах не сотрет? А Сократ и изустно упрекнуть Гомера, или другого поэта не вправе? Даже на празднестве дионаисийском, правила которого любому злословие дозволяют, так что ни поэт, ни речей писака на насмешку, вскользь брошенную, не обижается?

69. Да, осуждает Сократ и Пиндары, подобно тому, как ты, Анит, его самого. Но есть и различие важное. Ибо критика Сократова беспокойством его внушена: не одобряет мудрец те у поэта строки, что истолкованы могли бы быть неверно и умам незрелым

¹ В комедии «Облака» (см. Предисловие).

повредить невольно — тем самым и правде. Твои же измышления на мужа обрушаются, людям пользу приносящего. Однако вынуждены мы и их разбирать скрупулезно, так как, будучи гражданином Афин, владеешь правом речи свободной. Однако разделяет с тобою его любой афинянин; а если посчитает себя кто-либо из нас единственным судьей непогрешимым, то уподобится глупцу, что объявил бы безапелляционно, ни с того ни с сего впадая с самою природой в противоречие: беотийцы и других стран уроженцы коренных афинян во сто крат разумнее. Мы-то как раз обратное до сих пор полагали, хоть ты, Анит, с нами, наверное, не согласишься.

70. Между тем, если бы о поэзии суждение критическое природе справедливости противоречило, то правосудие числило бы его среди проступков, законам противоречащих. Так, гласит один: «Не мздомимствуй!»; другой: «Не причиняй насилия!»; третий: «Не покушайся на чужое имущество!»; и если какой-либо из названных преступишь, то в точности знаешь, какому наказанию подвергнешься. Но где, когда и чьему рукою записано было следующее: «Человек, поэзию древних пожуривший, казни достоин»? И ведомые нам решения собраний народных, славу поэтов прошлого увековечившие, не помечают отдельно, что гражданам афинским творения их под страхом смерти превозносить надлежит. Так в чем Сократ провинился, если ни один закон ему не возбраняет с Гесиодом спорить, и о Пиндаровой строке отзваться неодобрительно?

71. Поэты названные, Гесиод и Гомер, еще до Солона дни свои окончили. И усмотри законодатель в праве граждан о стихах и прозе свободно высказываться угрозу для безопасности общественной, то не

забыл бы граждан в оном на будущее ограничить; а если не Солон, так другой муж дальновидный; вспомним традицию, кою единодушным решением соблюдать условившись, мы по сей день храним: не нарекать отпрыска раба именами Гармодия и Аристогигона,¹ освободителей города родного от тиранов.

72. Справедливо ли, что поэты той же привилегии пред прочими согражданами не получили? Да, ибо в первом случае хотели мы славу благодетелей отечества спасти от принижения, пусть и косвенного, а честь их от удела с существом низким на одну доску быть поставленными; но установление сходное о поэтах тиранам бы сих и уподобило, так как лишь тот, кто безраздельно властвует, от подданных славословий требует всеческих и верит в великолодущие свое, хотя немногие в безрассудстве и жестокости с ним сравнятся. Не допускал Сократ мысли, что Гомер иль Феогнид с тиранами местами поменялись, а если б и случилось такое, что поэты вдруг власть незаконно присвоили, не стал бы лестью милостей от них добиваться; напротив, речами своими их образумливал и на строки, благоденствие общества, по мнению его, вредящие, внимание обращал соотечественников. Свидетельство, что прав я в своем предположении — поведение Сократа во дни правления Тридцати. Ты же, Анит, ныне, когда демократия и свобода речи в расцвете пребывают, поэтов древности обращаешь в despотов, выражений не терпящих, обрекая афинян на немоту проклятую.

73. Тогда как и Писистрат, для приумножения славы Гомеровой сил не жалевший, ко всяким мнениям

¹ Освободители Афин от тирании Писистратидов, пользовавшиеся особым почетом.

прислушивался и, собирая творения поэта воедино, споры позволял яростные, ибо, несомненно, находились и тогда критики. Ты же, Анит, защитником демократии себя выставляя, опаснее любого тирана, и с головой себя выдаешь, когда на отказ Тесеев¹ от владычества над Афинами ссылаешься. Ради свободы народной он так поступил, но не для того, чтобы Анит с Мелетом удавку свободе на шею набросили; афинских граждан видел мужами достойными, в мыслях своих независимыми, дух своей философией укрепляющими, а тело гимнастикой.

74. И потому Афины — град величайший, и всеми любим. Со всех концов света сюда люди спешат — морским путем и сухопутным; многие здесь навсегда остаются, а покинувшие о разлуке скорбят; сожалеют не о трапезах Сибариса² изысканных, не о плодородии нив и урожаях обильных вспоминают — напротив, знаем мы с вами, мужи-афиняне, что продовольствие для города нередко из чужих краев доставлять приходится³ — нет, оттого с неохотою покидают

¹ Тесей — легендарный основатель Афинской демократии. Главным ее принципом провозглашалась свобода речи. (См. также пункт 152 «Апологии» Либания.)

² Сибарис — знаменитая греческая колония, основанная ахейцами и трезенцами в 709 г. и названная по имени источника у г. Буры в Ахее. Благодаря торговле, особенно с Малой Азией, Сибарис достиг могущества и процветания, вследствие чего, впрочем, сибариты впали в роскошь и негу, обратившуюся в поговорку.

³ Хотя ныне трудно составить верное представление о состоянии страны в древности, т. к. вследствие исчезновения лесов и обмеления рек сухость ее достигла высокой степени, но все-таки можно утверждать, что почвы Аттики и в древности не были плодородны, за исключением лишь немногих частей ее.

Афины путешествующие, что с мастерской расстаются, где дух человека созидается. Спор разум оттачивает: острый вопрос ответа ждет достойного, учитель ученика найдет и последователя, рождается мнение неожиданное и вызывает другое на состязание, в котором иной раз слава мудреца развеется.

75. И благосклонно богиня на Акрополь взирает, ибо достойными считает жителей, богов любимцев, чести Тессы не уронивших. И возвышается город наш над Лакедемоном, и над прочими государствами. Ибо мудрость и знание повсюду почитаются более, нежели доблесть воителей. Мудрость и знание рвом не проходимым от мира отделяют нас варварского.

76. И ущемить право сограждан на дискуссию вольную — все равно, что сердца лишить демократию, зоркости, слуха острого и дара речи. А коль встретится мне афинянин и полезность запрета на диспут доказывать станет, то спрошу его перво-наперво: какой же беседою он друзей своих занимает во время трапезы? Ибо предметом беседы застольной обычно поэзия служит.

77. А лишишь она права сего законодательно, то скуча будет за столом хозяйничать, а принуждение аппетит отобьет, так как именно рассуждение придает остроту любому кушанью, а спор — главную прелесть пиру. Найдутся ли, когда под запретом она, охотники к приглашению? Но предположим, законник воображаемый беседе свободной препон чинить не станет, но не пустит ее за порог дома собственного, не позволит в палестры, к примеру, наведаться; или же еще того нелепес — всем разрешит согражданам, за исключением Сократа? В ладах ли, о судьи, сие неравенство со справедливостью беспристрастной?

78. Но забудем, афиняне, о поэтах на время. Когда Зевс слишком долго дождя нам не шлет и вдруг ливень на нивы обрушивает, не замедлим мы с досадливым ропотом, безбоязненно божеству верховному на долг его пред миром подлунным укажем. И Феогнид из Мегары подобных упреков не чурался. Разбраним, несомненно, и время года, и самый год, и Зевса, уверенные, что в суд нас за то не потащат. Но если юноша иль старец почтенный о Пиндаре заметит: мол, сболтнул он то-то и то-то, а лучше б на сей раз промолчал, — что ж, не медля приговорим его к чаше с ядом, дабы государство не сгинуло?

79. Согласится ли кто из людей здравомыслящих с приговором? Предки наши поэтов ценили и творениями гордились в благодарность за строки бессмертные о городе великом, но обязательством себя не связывали всё без исключения стихотворцами сказанное непреложным считать. Гомер Менесфей¹ великим стратегом нарек, а Пиндар город наш — «Элладой Эллад». Справедлива оценка, что в уста их богами вложена, и истину саму отражает. И признательность им велика, но границы имеет разумные, и не приходит в голову мужу иль городу, ими воспетым, объявить в награду все суждения Гомера ли, Пиндара бесспорными, а несогласие с ними предосудительным; и чуть послушайся некий Сократ установления строгого и противож славу кого-либо из сочинителей, сказав, что иной их совет — отечеству не впрок, тотчас жизнью за дерзость свою поплатится.

80. Возмущает Анита и то обстоятельство, что не все обычаи наши Сократ хвалит. Но согласитесь,

¹ Персонаж из «Илиады»; военачальник, погибший под Троей.

о судьи: будь муж сей тирании сторонником, а законам врагом, превозноси он повсюду преимущества неограниченной власти, — а стоит ли напоминать здесь, что произволу сопутствует: стенания и слезы жителей, телохранителей бесстыдство, разводы, чинимые из корыстолюбия, оголтелый разврат, жестокость к детям, ссылки, убийства, казни без суда! — так вот, будь все эти ужасы мечтою обиваемого и основою наставлений, то вознегодовали бы мы с Анитом вместе, но лишь по поводу Сократова долголетия, ибо давно уж смерть заслужил по афинским законам. Но если признает демократию для родины порядком наиболеешим, то, как раз принципам ее следя, вправе он негодность того иль иного обычая и учреждения, для общества более не нужных, с согражданами обсуждать.

81. Ибо кто не знает из вас, что упразднение законов скверных ими же и завещано? Провозглашен был каждый в свое время в силу необходимости, но предвидел законодатель, что переживет свой срок установление человеческое; тогда сограждане, благотворность закона исчерпанной найдя, помочь должны ему от собственной власти освободиться. И потому велит нам закон: «Коль скоро обнаружу я ущербность свою, и помехою стану к достижению цели, ради коей некогда принят был, то есть мною обещанного более не выполняю, — требуй отмены моей, не скрывай несогласия и возражений».

82. И мы, сограждане, пожеланию здравому призываю следовать, законы устаревающие новыми заменяя для пользы отечества. И многие из решений законодательных Драконта, Солона и Клисфена ныне нами не правят, ибо более плодотворные на место их победно заступили.

83. Не стану я перечислять здесь решения известные Ареопага — именно там перемены такого рода происходят и никем впоследствии не оспариваются, так как убеждены граждане афинские, что обновление законов сулит их же совершенствование. Но если обсуждается закон в собрании народном, и оратор сограждан в нецелесообразности его убедить надеется, а, в случае успеха аргументов изложенных, голосования требует за или против отмены, то почему муж, что работникам в мастерских о законах свое суждение высказывал, врагом демократии ославлен?

84. Я первым назвал бы Сократа виновным и голос свой против него отдал, судьи, коль скоро б уверился, что слова, слуха афинян беспрепятственно достигая, так или иначе вредны оказались. Не выбрал бы аргументом одну лишь законность речи свободной, хотя удавалось многим с помощью довода названного от кары себя спасти. Однако афинянину Сократу не к лицу таким оружием от нападок обороняться. Нет у города, убежден я, друга более верного, нежели он, и невиновность его достойна иной защиты.

85. Сократ — истинно так, да будет свидетелем правдивости слов моих Аполлон Пифийский — и верно, в беседах поэтов и их сочинений касался, однако, далеко не всегда, чтоб побранить. Вот как бывало: коль скоро видел в них учителей добродетели, нарекал мудрыми, благородными, божественными и тому подобными именами; но остерегал от ловушки словесной, не заметив которой, впадут юноша, муж или старец в величайшие бедствия, и почувяв опасность, отводил от пропасти неразумного.

86. Возражая на то, с чем не согласен, достигал иной раз Сократ цели искомой на пути обходном,

на который, к слову сказать, и Анит очертя голову бросился с клеветою своею. Вот, к примеру, спрашивает Сократ собеседника, мудрец Гесиод иль нет? Тот, словою поэта завороженный, разумеется, ответит: «Да». «Но значит Гесиод, — вновь спрашивает Сократ, — утверждая, что нет на свете труда позорного, всякое дело, без исключения, благим почитает?» Ответ, конечно, опять утвердительный. «Так, стало быть, тот, кто стену прорывает, либо грабит место захоронения, в лице Гесиода-мудреца заступника имеет и поручителя, что нисколько сим трудом не кощунствует?» Тут спрашиваемый непременно растеряется, а присутствующие — рассмеются; но прельстит ли кого-то из них поступок бесчестный? Ничуть не бывало! Напротив, каждый поймет, что нельзя без разбору за всякий труд приниматься.

87. Или заходит в беседе речь о Пиндаре, и говорит Сократ, что поэт словами «он (закон) полновластной рукой правит» допускает опасную двусмысленность. Ибо не случится ли так: кто-то из юношей, изречение поняв превратно, к законам исполнится пренебрежением, посчитав, что сильная рука — важнее законов? И разве беспочвенно тревога Сократова? Напротив, явно права, так что премудрейший Анит не мог сего не заметить, а потому цинично в обвинении своем слова поэта исказил — полагая, вероятно, будто к скифам обращается, кои и слыхом о Пиндаре не слыхивали и не отличат: где Пиндар говорит, а где сам обвинитель. Но дерзость Анитова на сей раз все ж доброму делу послужила. Ибо, изречение поэта в ложном свете представив, лишь в том убедить вас он смог, что упрек сочинитель получил поделом, а Сократ похвалы за предусмотрительность заслуживает.

88. Теперь подумайте, Феогнайд ли прав, полагая, что превосходство духа человек лишь с богатством обретет, а удел бедняка — безответное послушание, или Сократ не ошибается, когда утверждает, что нередко тот, кто живет в обстоятельствах скучных, выказывает больше достоинств ума и красноречия, нежели люди, имеющие достаток даже сверх потребного. Довольно и тех примеров, которые в речи обвинителя мы находим, — а именно ссылок Анитовых на Лампра и Фидия,¹ — чтобы в правоте Сократа удостоверить; ибо Фидий взял верх над Исхомахом в состязании речью об искусстве ваяния, а Лампра превзошел Гиппоника речью своею о музыке. И если позволите мне добавить кое-что и от себя, то такую картину в вашей памяти оживлю: часто в народном собрании муж, что в золоте купается, но с мозгами куриными, молчит, а человек, в стесненных живущий обстоятельствах, дает совет полезный. И не покажется ль иной раз взгляд на существо дела богача, небесами обласканного, поверхностным; тогда как афинянин, жизнь которого достатком обделена, совет разумный с трибуны дает

¹ Величайшие мастера искусств античности часто жили в крайней бедности. Например, Лампра, известный музыкант; Фидий, выдающийся ваятель. Феогнайд, упоминаемый выше, — гениальный элегический поэт, живший около 540 — 500 гг., был родом из аттической Мегары и принадлежал к богатой дорической знати этого города, которая около этого времени, при демократическом перевороте, утратила свое политическое влияние и богатство. Феогнайд, гордый аристократ, также потерпел убытки от этой революции, чем и объясняются его горькие жалобы на испорченность нравов и несправедливость противников.

городу? Следовательно, совершенно прав Сократ, считая, что в мастерстве речи к вершинам ведет образование, а не имущественное преуспеяние.

89. Среди граждан афинских не так уж и много мужей состоятельных, а вот тех, кому нужда знакома, думаю, большинство. Стало быть, Сократ на их стороне, когда говорит о праве каждого открыто с речью к народу обратиться, а Феогнид в нем чуть ли не всем горожанам свысока отказывает. Так от чьих же слов пользы больше для тебя, для меня и для города? Того, кто главною целью существования провозглашает стремление к приобретательству и имущественному успеху, селит в сердцах алчность и страх смерти? Либо в совете Сократа: полагаться в жизни на умеренность и рассудительность, а не на наживу?

90. Таков строй его мыслей, что отвечает духу города нашего и всем афинянам близок, так что, если бросаете вы Сократу упрек в святотатстве и преступлении, то задеваете и себя поневоле. Вспомните, сограждане, как легко было вам разделить с Великим царем богатства его и мнимое величие, когда тот, гордясь военным могуществом, думал город наш подчинить своему владычеству; после жестокой битвы у моря у соседнего острова посольство пышное в Афины отправил, и искушал вас талантов несметным множеством,¹ обещал покровительство и благоволение к городу отныне и впредь на все времена. Но нет, не поддались вы на посулы, и, хотя знали, что разорена и ограблена ваша земля,

¹ Либаний напоминает о событиях греко-персидских войн (500 — 449 гг.). Согласно Геродоту (История, IX, 2), совет подкупить греков исходил от фиванцев.

хотя изнемогали от мучительного труда на триерах, не пожелали советам Феогнида подчиниться, и отвергли предложенное; более того, наверно, сурово осудили бы любого из своих товарищей, если б нашелся такой и отважился аргументы в пользу противоположного решения привести. Противилась честь ваша благополучию, купленному ценой бесчестья и рабства под игом мидян.

91. Итак, все афиняне тогда сердцем и душою были заодно; прошлые наши соотечественники полагали ошибкою, если не позором, вершить судьбу полиса согласно Феогнидовым воззрениям, о каковых говорил я выше. А поведи себя наши отцы подобно нынешним ораторам и людям, облеченным властью, возьми верх в минуту важного решения любовь к monetе звонкой и мысль о выгодах торговли, с виду разумная, послушайся предшественники наши мужей богатых, но мотивами отнюдь не безупречными — если не сказать хуже — на трибуне руководимыми, — вообразить легко, куда бы это государство завело.

92. Ныне подобного рода люди обвиняют Сократа; я же встал на защиту его и продолжу речь свою, надеясь удостоверить вас в той истине, что и мысли, и дела Сократа были для умов горожан не менее полезными, чем большому лекарство. Сейчас рассказать хочу поподробнее о беседах философа с юношами афинскими, — вашими, сограждане, сыновьями; ведь эти-то беседы и считает Анит пагубными чрезвычайно; но коль скоро не удастся мне хотя бы единственного из судей в правоте истца разубедить, готов я с Сократом рядом встать и привосудию ответить.

93. Итак, слышали юноши из уст Сократа, например, следующее: «Одиссей в Хиосе велит рядовых

воинов подвергнуть порке, когда видит в них готовность бежать; военачальников же отвращает от малодушия словами, причем мягкими. Боюсь, напрасно Гомер о поступке таком нам поведал, ибо справедливость для всех одна и от высоты положения не зависит; то есть, коль скоро намерение дезертировать — преступно и достойно телесного наказания, то подвергнуться каре должны были все воины без разбора. Если ж минутная слабость в битве — не более чем ошибка, каковую исправить должно, упреком иль разъяснением, — то поступил герой поэта против справедливости, одних лишь побравив, а других побив». Возможно, кто-то из Гомерова рассказа сделает вывод, что человек влиятельный по природе превосходит всех прочих, хотя много раз поступки доблестные и благородные совершились людьми, не облечеными высшей властью. Простолюдин, бывало, всл себя по-геройски, а вождь — недостойно.

94. Кто насмехался над прорицаниями Кассандры, позоря ее пред афинянами, и обрек войско тем самым на великое бедствие? — Один из его предводителей.¹ Почему не вспомнил о том Одиссей — по рассеянности иль, может, был глуповат? Но тогда и вовсе права решать не имел. А если в рассказе Гомера правды нет, а одна лишь выдумка, то ложью

¹ Кассандра, троянская царевна, дочь Приама и Гекубы, пророчица, предсказания которой не верили. Один из предводителей греков — Эант (Аякс), по прозвищу Малый, друг Эанта Великого, — обесчестил Кассандру в храме, чем вызвал гнев Афины, крушение корабля и собственную гибель.

его, как и всякою, не один Одиссей оклеветан, а все мы обмануты.

95. Еще говорил Сократ так: «Берегитесь принять за истину рассказанное Гомером об Автолике.¹ Ибо, называя мошенника любимцем Гермесовым, считает поэт его безнаказанность результатом обильных жертв. А ведь богам дары смертных не в диковинку — но много ли припомните случаев, чтоб поспешили они с благодарностью?»

96. Что скажешь, Анит? Я повторил Сократом сказанное, и какой же пагубой слова мои на собравшихся отзовутся? Да никакой, лишь направят афинян к пользе взвешенного раздумья. Чем оскорбил я, сограждане, правосудие, открыв слуху вашему Сократово предостережение? Не будучи сам поэтом, не завидовал он их славе, а стремился лишь к одному: научить собеседников наблюдательности и осторожности, так, чтобы странствовали они по просторам поэзии с духом свободным. Ибо легко на тропинке, к пропасти ведущей, неумелому оступиться, если признает он мудрость и опытность проводника невозбранимыми, так что и слабого голоса сомнения в душе своей испугается.

97. Однако Анит вне себя от ужаса, будто земля разверзлась, раз некий афинянин иных мест уроженцев здравомысленнее оказался, требует Сократа, о поэзии размышляющего, в руки Одиннадцати отдать, и считает себя притом спасителем юношей от крамолы. И все же, соберись, о Анит, с духом, и ответь нам на сей раз правдиво: знаешь ли ты человека, который слышал явственно, как Сократ Одис-

¹ Сын Гермеса (дед Одиссея), искусный вор, умевший перевоплощаться и делать предметы невидимыми.

сех за способ рядовых воинов вразумления нахваливал, и поучал юношей при этом: «Вот и ты с людьми богатыми и влиятельными будь осторожен и терпелив, а с бедняком не церемонься?» Может, представишь суду свидетеля, из круга собеседников Сократа изгнанного за несогласие с нравоучением?

98. Но говорит обвинитель, вконец, видно, запутавшись, что не верил Сократ в силу собственных доводов и подкрепляя их, для убедительности, изречениями поэтов великих. В ответ не преминул бы я заметить, как сильно обмоловка Анита противоречит прежде им сказанному; ибо выходит из слов твоих, что обвиняемый питал-таки к поэтамуважение, — но умолкаю, ибо во сто крат доказательнее, чем я иль кто бы то ни было, ответит тебе приываемый мною свидетель.

99. Внимайте, мужи-афиняне! В трудный наш час, во мраке сомнений дорогу к истине не найдя, чьей помощи взыскуем и, вдохновленные оракулом, свершаем славные дела и величайшие подвиги?

100. Им, Аполлоном Пифием,¹ владыкою над Акрополем, основателем и покровителем города, судью всем судьям, отличен Сократ среди прочих мудрецов, чьи знания и ум вы превозносите — да, этими дарами благословлял бог многих и прежде Сократа. Его же направил на путь исследования истины, назвав задачи сей наидостойнейшим. И хотя с того дня всепроникающая сила мудрости его обрела оче-

¹ Пифий — одно из имен Аполлона, данное в честь победы над драконом Пифоном под Дельфами. Согласно правилам риторики, пункт 100 — примерно, середина речи — является вершиной ее. Отсюда и патетический тон, и торжественное обращение к слушателям.

видность, не возгордился Сократ своей избранностью, не стал высокомерен с завистниками, лишь вынуждал любого спорщика истине уступить.

101. Так вот: когда говорил Сократ, ведающий о Дельфийском провозвестии, с юношами афинскими, что за нужда была ему помочи искать у Пиндара, Симонида¹ — да кого ни назови? Коль скоро знаешь, что сами судьи — правоте твоей свидетели, не станешь выбирать сих из числа людей ничтожных, с корыстной душою. Замысли Сократ недоброд., мог и так успокоить опасающихся впасть в грех кощунства: «Вспомните: это Пифия говорит моими устами, а чрез нее прорицающий у подошвы Парнаса бог. Богом я назван первым из мудрых, и кто мне возразит — богохульствует». Слышал ли кто нечто подобное от Сократа? Даже Анит не дерзнет утверждать сию ложь, пусть запасся оной в избытке.

102. Говоришь ты, Анит, что юноши, сile слова учителя покорные, Сократа почитали более отцов и смотрели свысока на старших братьев? Выходит, убеждал он их истиной — не одними афоризмами. Но, может, огорчались отцы и братья, ожесточаясь в душе? И, не зная, как детей своих образумить и спасти от искушения, взывали афинские граждане к судьям, дабы остановили те Сократа в его недобром промысле?

103. Нет, не приведешь ты нам в пример отца, что отрекся от сына, ибо тот Сократовыми поучениями бесповоротно был испорчен. И о муже предсмотриательном не расскажешь, который сына дер-

¹ Симонид (ок. 556 — ок. 468), греческий лирик, вел странствующий образ жизни, подобно своему сопернику в поэзии беотийцу Пиндару.

жал под замком, дабы спасти его от влияния пагубных слов, произносимых на площади. Ибо не было таких, Анит. Не видели афиняне в рассуждениях Сократа и следа тлетворности, понимали как должно слова его о воровстве, об осквернении святыни, и об оправданной хитрости. Так как знали и сами, что иной раз все это — не преступление: скажем, если диктуется интересами войны. Любой из нас военачальника, перехитрившего противника, поставит выше того, у кого на обман смекалки и духу не хватило. Ибо обвести врага вокруг пальца — справедливо.

104. Знаменитый Фемистокл обманом прославил себя дважды: возвел Длинные Стены¹ и тем спас Афины, затем — и всю Грецию. Вот и врач, по нашему разумению, вправе утешить больного ложкою лжи. А иной раз атлет, крепкий телом, в спасительном снаряжении не меньше больного и слабого нуждается, и обману рад, когда бремя правды ему не по силам.

105. В чем преступен Сократ, славя Меланта² за победу, хотя завоевана она с помощью лжи, — не шла ли речь тогда о жизни и смерти? В чем злоумышляет обвиняемый, когда хвалит Одиссея за похищение

¹ Фемистокл подкупил (или обманул) эфоров — должностных лиц, чтобы они не противодействовали строительству. (Подробнее см.: Плутарх. «Сравнительные жизнеописания». «Фемистокл».)

² Согласно легенде, Мелант из рода Нелейдов был царем в Мессене; изгнанный оттуда гераклидами, удалился в Аттику. Когда царь Аттики, Фимет, потомок Тесея, отказался вступить в борьбу с беотийским царем Ксанфом

Палладия? ¹ Разве не украли прежде троянцы у Менелая самое ценное из всего им имевшего?

106. Да и кому придет в голову, что Сократ, юношам о том рассказывая, учит их вести себя с согражданами и друзьями так же, как с воинами вражеской армии? У кого недостало б рассудка урок пропустить мимо ушей, иль указать учителю, что поведение, достойное похвалы на поле сражения, в мирной жизни не имеет обыкновения считаться примерным? Думаю, любой из участников беседы, слыша, как одобряет Сократ мошенничество, понимал преотлично, что говорит он об обстоятельствах войны с троянцами и только. Поступок, который расценили бы мы в иное время как бесчинство, на войне подчас и оправдан — и покорив враждебный город, афинянин, лаконец, и откуда бы ни был воин родом, не щадит его, опустошая иногда и святыни, ибо считает завоеванное противника имущество божественной себе наградой.

107. Но коварная изобретательность Анита переходит все пределы, когда уверяет он: Сократ-де хвалил эллинов за хитрость, и Фиеста средь прочих, чем отцов наших оскорбил. Не дает обвинителю покоя мысль, что недостаточно смысл сказанного

за обладание Эноей, Мелант принял вызов, победил Ксанфа и сделался царем в Аттике. Во время боя позади Ксанфа появился Дионис в черной козлиной шкуре, и когда Мелант стал упрекать Ксанфа в том, что тот не один, Ксанф обернулся и в этот момент был убит Мелантом.

¹ Палладий — священное изображение богини Афины, находившееся в Трои. Похищен, согласно известной легенде, Одиссеем и Диомедом.

Сократом о троянцах или предводителе беотийцев в ложном свете представить, дабы согласились вы, судьи, признать обвиняемого оплотом порока — и еще толику лжи добавляет — авось, и она сойдет за правду. Однако, всем, кто хоть сколько-нибудь знает Сократа, ясно, что никогда не поставил бы он в один ряд, об эллинах говоря, Одиссея с Мелантом и Фиеста.

108. Даже и по рассеянности. Не находилось места в речах Сократовых злу и коварству, ибо чист был от них мудрец душою.

109. Но что удивляться безделице, если находим в обвинениях Анита и нечто, во сто крат большего негодования достойное? А именно, такое утверждение: «Он учит лжеприсяге». И это говорит обвинитель о человеке, который, правду слов своих подтверждая, покой божества клятвою бременить не спешит — и иную, земную, тварь¹ свидетелем истины призывает, советуя и согражданам попусту священные имена не тревожить? Кто поверит абсурду? Вот, скажем, если встретим мы человека, который и издали на воду взглянуть боится, вообразим ли себе, что в разговоре с приятелем обсуждать он станет тонкости мореходного ремесла?

110. Попробуй-ка, мой милый, доказать нам сначала, да так, чтоб мы поверили, будто бы хоть разок-другой Сократ, связав себя клятвой, ее не сдержал, а уж потом обвиняй, будто толкал он к святотатству и сограждан. Того же требую я и в отношении всех прочих твоих обвинений. Обоснуй, Анит, — но со знанием дела, — когда и где афина-

¹ Наиболее известна клятва «собакой». (См.: Платон. «Апология Сократа», прим. к с. 54).

нин Сократ подверг храм осквернению, посягнул на чужое имущество, сотворил насилие, а уж затем упрекай за вредоносное влияние на приверженцев. Ты же, разлагольствуя о пагубности речей Сократа, — не назвав, однако, и тут ни единого аргумента, который прозвучал бы для слуха соотечественников убедительно, — не торопишься с конкретным примером совершенного в согласии с теми речами злодеяния (хотя воздается человеку по мере дел его), и, таким образом, заставляешь нас прийти к выводу, что и слова Сократа тобою умышленно извращены.

111. Быть может, вор сторонится грабежа, а прелюбодей разврата? Однако не раз убеждались мы в противоположном. Всегда и во всем сказанное подтверждается сделанным, иль превращается в звук пустой. Вдохновенный призыв к важному начинанию, коль скоро не подтвержден сообразными действиями хозяина слов, вернее всего, отпугнет, а не следовать себе заставит, ибо свойственные природе человеческой практичность и к новому недоверие перевесят вскоре минутное воодушевление. Вот, например, некий муж на трибуне пылко согражданам советует прийти государству на помощь и пополнить казну деньгами, а сам — в стороне; как вы думаете, сумеет ли вскрыть такой оратор кладезь щедрости в сердцах соотечественников? Нет, скорее поступком своим источник ее закупорит бесповоротно. Иль если на поле брани вождь, призвав к атаке, склонится за спинами воинов, ища безопасности, — тем родит в их сердцах, несомненно, лишь страх, но никак не мужество. И так всегда и во всем: верим мы лишь совету, подкрепленному делом.

112. А теперь, не выпуская из виду предыдущее рассуждение, согласимся, что ты, Анит, прав: скло-

нял Сократ юношай и к лжеприсяге, и к воровству, и к насилию; сам же, однако, был добродородочным гражданином: почитал богов, был равнодушен к богатству, несуетен, честен и скромен в быту — чем посчитали бы в сем случае сыновья афинские слова пагубных наставлений? Скорее всего, ни за что не поверили б в искренность Сократовых нравоучений, и приняли б их за шутку или игру, будучи свидетелями образа жизни, который с советом в раздоре.

113. Но правда — какой она была и есть, — в том, что никогда не направлял Сократ юношай — ни словами, ни делами — на путь пагубный. Все это ложные обвинения, исходят от людей, кои не стоят мизинца ответчика. Желая избавиться от досадившего им соотечественника, выдают они себя за героев и вгоняют сограждан в страх, путая бедствиями, что обрушатся непременно на государство, если они (обвинители) не предадут происходящее огласке. О, если б все недоброжелатели города хоть каплю на Сократа походили! Глубока и покойна была бы уверенность афинян в благополучии и безопасности державы, когда б раздавались на площадях и рынках лишь речи, подобные Сократовым, — ведь вел он их открыто, у всех на виду, что само по себе является свидетельством в пользу правоты его.

114. Удивительно мне Анитово упорство, когда, понимая очевидное, пытается он убедить вас, судьи, еще и в том, будто самые скверные из своих намерений Сократ от ушей и глаз людских прятал. «Можете себе представить, — говорит обвинитель, — что за беседы вел Сократ с теми из юношай, к коим особенно был расположен, чему учил их, будучи с ними наедине». Наступит ли предел бесстыдству твоему, Анит! Поделись же с нами своей осведом-

лленностью: что за уголок облюбовал Сократ для тайных свиданий? Под кровом собственного жилища? В безлюдном поле? Где же? — ибо мы-то привыкли встречать его в местах, всем горожанам хорошо известным.

115. Но прежде ответь нам прямо и кратко, Анит: то, что Сократом говорилось публично — ведь воздвиг ты здание обвинений своих на рассуждениях Сократа, произносимых при всех, — выдавали ли слова, слуху любого доступные, со всей несомненностью его намерения как учредителя зла и порока? Да или нет? Действительно чинили они вред и призывали всенародно преступать законы? Ибо если это не так, то остается признать тебя клеветником; если же не возводишь напраслину — то отвага виновного Сократа граничила с безумством!

116. Но столь отъявленный злодей в силу природы своей во всех действиях выказывал бы поразительное бесстрашие. Как увязать отчаянную жажду риска, обычно натуре подобной присущую, с разборчивостью в средствах и умением держать себя на людях так, что они и не подозревают о зреющем в душе преступлении? Человек, Анитом рисуемый, афинянин, готовый пойти на самое страшное преступление из всех существующих (ибо знает Анит не хуже нас с вами, что нет в глазах закона ничего ужаснее, чем задуманное, будто бы, Сократом: сбить юношей с пути истинного и подорвать правопорядок) — не побоялся бы ничьих ушей, и не держал бы рот на замке, как это делает заурядный трус.

117. Далее. Анит утверждает, что Сократ в собеседники выбирал себе лишь юношей, а людям преклонных лет отказывал в своем обществе, и настаивает на обвинении, хотя и вы, судьи, и мно-

жество сограждан, здесь находящихся, вели с Сократом знакомство, и в беседах видели удовольствие. Тем не менее, не смущаясь ничуть, заверяет Анит: Сократ-де мужей почтенного возраста сторонился и охотился за юнцами незрелыми, — против чего, повторяю, свидетельствует ваш собственный опыт.

118. Как и многое другое. Вот если нарек бы себя Сократ учителем, а дом свой — школою, и у ворот поставил бы стража, дабы тот нежеланных гостей вытравливал, точнее, одним лишь юношам дверь отворял, следя строгому приказу хозяина, — тогда, и верно, встречи могли вызывать кой у кого подозрения. Но он себя учителем не называл никогда, готов был побеседовать с любым человеком, повстречавшимся ему на пути, если замечал в нем любознательность, и всякий уголок, где окружали его добровольные слушатели, находил вполне пригодным для разговора. А если попадался среди афинских жителей такой, что не чувствовал в оном потребности, — обходил беседующих страной, и никак против воли не понуждался принять в разговоре участие. Но уж рассуждать о вреде родника, из коего люди живую водучерпают, и лишь ты один утолиться ею не жаждешь, по меньшей мере глупо, равно как, на борт корабля ступить не отважившись, проклиная ветерок попутный.

119. Объяснить же тот факт, что в числе беседующих с Сократом преобладали люди молодого возраста и старших успехами превосходили, нетрудно. Не удивится сему обстоятельству ни учитель музыки, ни грамматики. Ибо жизнь человека в годы юношества свободна от будничных забот, и

предназначен сей отрезок пути земного для обретения знаний, как никакой другой. Не бременят сыновей ваших, судьи, до поры обязанности пред отечеством, не обступают со всех сторон насущные нужды горожан — по делам семьи, имущества и хозяйства, не забирают часы дня посланцы иноземных держав и разбор тяжб сограждан в народном собрании — и досуг свой ревностно и усердно отдают юноши совершенствованию души, ума и тела.

120. И, честно спросив себя о том, без труда поймут мужи лет зрелых, отчего окружали Сократа главным образом юноши. Сердце того, кому ставят в вину сие обстоятельство, преисполнено было ко всем людям, без различия возраста, сочувствия и интереса — так что кое-кому это, возможно, и досаждало. Юность же никогда уроку не противится: рада выслушать совет дальний и благодарна учителю, указавшему путь верный в жизни.

121. А кто из отцов афинских не пожелал бы сыну, достигшему возраста странствий по морю поэзии вольной, в попутчики лоцмана сведущего? Ибо как юноше не растеряться, когда он впервые прочтет, что Афина, явившись к Пандару, соблазнила мужа, будто простая смертная, и уговаривала того предать принесенную клятву; либо о том, как Гера разгневанным Зевсом в наказание закована и подвешена к небесам; как Афродита Александру сводничала и повержена была, вместе с Диомедом, рукою Ареса? Легко ли юноше узнать, как Аполлон с Посейдоном на службу нанялись? Как боги говорились пленить и заковать Зевса? Как бились жестоко жители Олимпа между собою? Как Кронос, дерзнувший на оскопление отца своего, пре-

терпел вскоре то же кощунство от рук собственнонного сына? ¹

122. Не согласны ли вы, что Сократ предотвращает скорее возможный вред, нежели чинит его, когда внимание юношей на те из строк сочинителя обращает, что вопиют против нравственности? Отчего же Гомер, не постеснявшийся богов на позор выставить, снискал всемирную славу, а Сократ приговаривается к смерти, ибо, и восхищаясь достоинствами творений поэта, не смолчит, найдя в них что-либо несообразное? И кто же вызывает его на суд? Человек, и в самом деле память Гомера опорочивший.

123. Поспешу обосновать вам, судьи, и обвинителю справедливость последних слов моих, для чего напомню кое-что из речи Анитовой, никем не замеченное.² Он утверждает, что все несчастья и бедствия, претерпленные Одиссеем во время скитаний на суше и на море, в чужеземных пределах и в родной земле, посланы ему справедливо — карою за нанесенную божеству обиду. Анит, Сократа оговорить желая, и сам не заметил, что за недобрую шутку с Гомером сыграл. В чем же дело? А вот в чем: всем, кто «Одиссею» читал или слышал, ясно,

¹ Различные варианты и трактовки мифов, иногда возвращающиеся к Гомеру (Пандар — персонаж «Илиады»); Александр — прозвище Париса.

² Либаний постоянно возвращается в своей речи к вопросу отношения Сократа к поэтам — отчасти, возможно, и оттого, что здесь открываются для него широкие возможности удостоверить читателя в своем близком знакомстве с классической литературой, эрудиции и образованности.

что Гомер героем своим восхищается. Ибо единственного славит его поэт приметно более прочих. Тем «Одиссея» от «Илиады» отлична, в кой почести легендарным героям возданы поровну.

124. Покровительствует Одиссею не кто иной, как сама Афина: готова богиня любимцу помочь в любой переделке; коль скоро потребуют того обстоятельства, поменяет ему и обличье: превратит атлета в убогого старца, затем вновь возвращает мужу стать благородную. Месть Посейдона не оправдает читатель, ибо вслед за автором к герою, попавшему в переделку, сострадания полон; ослепление же Циклопа, сына божества, находит правомерным, ибо жестокая хитрость ради спасения жизни предпринята.¹

125. Итак, все говорит за то, что намеревался Гомер Одиссеевой славе песнь пропеть. Но тут вдруг встает Анит и Одиссея, кого Гомер считал человеком во всех отношениях исключительным, Одиссея, благодаря которому, по мысли поэта, пришел конец многолетней войне — называет злополучным безбожником и источником всяческих бед! Как сильнее оскорбить можно память поэта! Ибо выходит из слов обвинителя, что труд жизни своей положил Гомер на прославление худшего из эллинов, отправившихся некогда к Трое.

126. И тот самый Анит, что посягнул опорочить не больше и не меньше как корень Гомерова замысла, затевает судебный процесс против Сократа, отзавшегося неодобрительно о нескольких стихах поэта? Но в таком случае подлежит сам истец на-

¹ Как известно, Посейдон — бог морей, мстил Одиссею за ослепление своего сына, циклопа (циклона) Полифема.

казанию по суду — и более суровому, нежели то, какого для Сократа требует. Ведь не удивимся мы, узнав, что покарал закон со всей строгостью афиняна за совершенное тем пустячное членовредительство, но вправе более тяжкой доли ждать для виновного в убийстве. — Вот разве что пример мой и вовсе излишен, ибо Анит, и следовательно, Сократ, благосклонно иль дурно высказываясь о плоде чьего бы то ни было поэтического вдохновения, остаются гражданами законопослушными.

127. «Сократ, — продолжает обвинитель, — внушиает бездеятельность». И как же именно? Вероятно, превозносит преимущества ничем не омраченного досуга в сравнении с деятельным трудом? Уговаривает ремесленника позабыть обретенные им навыки? А пахаря бросить возделывание матери-земли, купца — сказать «vale»¹ морским просторам; гребца — предаваться неге; словом, всем без исключения сидеть советует руки сложа дни напролет и дожидаться безмятежно, пока свалится прямо с небес пропитание? Пусть же выйдет сюда хотя бы один горожанин, слышавший из уст Сократа нечто подобное, — и я умолкаю, побежденный. Но если такового не найдется, позволю себе спросить: леность ли поощрял Сократ, когда говорил, что, хлопочая лишь о выгодных сделках и пренебрегая заботами о душе и упражнением ее в добродетели, поступает человек неразумно, ибо душа для смертного по важности первостепенна, за нею следует тело, а помыслы о деньгах последнее место занимать должны?

128. Не презирал Сократ трудолюбивого, но хотел, чтоб помнил человек о главном — ибо понуж-

¹ Прощай. — лат.

даemy вами сыновья с юности к рабским занятиям и лишь об имущественном преуспеянии радеют, превращая душу в бездельницу. Беседы с Сократом направляли сограждан ваших будущих на верный путь, берегли от ошибки.

129. Богатство без благородства, говорил он, ведет к пороку. Но тем менее нищество праздное приветствовал. Окружали Сократа отнюдь не рабы неимущие, и ты, Анит, признаешь это правдой. Но какой же ущерб нивам рачительного помешника несут заботы об улучшении души своей?

130. Сам Сократ не имел земельных угодий или судов для торговли; как сказано, и та небольшая сумма, что досталась ему по наследству, безвозвратно пропала; однако нимало не страдал он от своей бедности, не испугался бы и голода. Войско, будь оно сплошь из мужей, подобных Сократу, не устраништ враг — и безводную пустыню видит оно блаженным оазисом, когда стремится навстречу победе.

131. Вспомните, афиняне, о мужестве Сократа у Делии и Амфиполя.¹ И ночью, и днем восхищал он товарищей нестигаемой выдержкой, с легкостью все ужасы фракийской зимы перснося. Но при чем же здесь праздность, спросите вы? Объясняю охотно: ленивого в трудный час испытания изнеженность предаст. Сократу же все превратности климата были нипочем, и, подгиняясь злополучной судьбе, внушал он врагу, во время бегства армии, все тот же страх.

132. По всей видимости, уважает Анит за усердный труд одних лишь сикофантов, а тот, кто ум тренирует знанием и дух совершенствует, в глазах обви-

¹ Города, где происходили кровопролитные битвы во время Пелопоннесской войны. (См. также: Предисловие).

нителя — не более чем лодырь и человек бесполезный. Странно, к слову сказать, что до сей поры никого из атлетов на суд Анит не вызывал: те ловким и крепким телом гордятся, упражняя его непрестанно, хотя обретенной мощью ни с кем не делятся.

133. «Он не выступает как оратор пред обществом», — возмущается Анит. Да, на сей ниве деятельным тружеником Сократа не назовешь, как и многих прочих его соотечественников, — однако любой из нас ничуть против Солоновых установлений не грешит, на поприще названное не вступая, коль скоро не чувствует к риторской стезе призываия. И разве не случалось отечству и согражданам ущерб терпеть от верхоглядов с советами скоропалительными? Не зря Сократ юношней порицает, когда видит, как тщеславная поспешность — свойство, простительное и понятное в молодых — влечет их выйти на трибуну с речью ораторской. Уверен мудрый наставник: не стало еще их время. От многоного вреда, что мог постичь город со стороны людей, в делах управления несведущих, избавили Афины Сократовы непрестанные усилия! Благодарный Анит причисляет его за то к сонму праздношатающихся. Я же пред мужем, от державы и наималейший вред отводящим, склоняю почитательно голову. И нареку его для отечества благодетелем, надеясь, что согласятся со мною афиняне, не желая людьми неразумными прослыть.

134. «Он денег не наживает и ссудить ими не сможет», — так говорит Анит.¹ Видимо, полагает обвинитель ростовщика иль менялу — наилучшими для

¹ Обрати внимание, читатель, как забавно противоречит данное обвинение тому, что поведал нам о Сократе «перекупщик» Диоген Лаэрций (см. наст. изд.: с. 221).

молодежи руководителями. Я на сей счет мнения другого держусь. Браниць ты Сократа за бедность, будто не ведаешь о благородном достоинстве, с каким несет он ее; между тем, граждане Лакедемона, державы, на твой взгляд, превосходной (по нраву тебе она, ибо софистов там не бывает), — отнюдь не богаты, но сие обстоятельство нимало тебя не смущает.

135. В прежние времена не предстал бы житель афинский перед судом по обвинению в бедности, не-стяжательстве; не разбирали наши отцы, отчего тот иль другой поместьями не владеет. Напротив, спросить могло правосудие: «Наш соотечественник унаследовал от родителей земли клочок, а ныне — деньгам счету не знает, угодьям обширным; словно по волшебству, сумел он имуществом над большинством сограждан возвыситься. Как же случился невиданный взлет?» Теперь — вот уж событие небывалое — предстоит по суду Сократ, довольный тем, что имеет.

136. Далее. Называет истец в обвинении имена Алкивиада и Крития как довод наглядный тому, что беседы Сократовы семена злополучия для города возвращали. Прежде чем возражать, поспешу от себя упрек отвести в недостаточном здравомыслии, коего заслужу непременно, не делая, подобно Аниту, меж названными — Алкивиадом и Критием — различия. Однако оно налицо, ибо последний сознательно руку поднял на демократию, тогда как Алкивиадом — пусть не всегда поступал сей муж безупречно — содеяно все ж немало и к пользе отечества. Ввиду главного моего намерения — разубедить судей, будто Сократ первопричиною поступкам нечестным был, кем бы они ни свершались, позвольте мне, судьи, времени вашего не беречь, и кое-какие обстоятельства дней прошедших напомнить.

137. Итак, чем же Алкивиад, сын Клиния,¹ возбудил недовольство сограждан? Тем, что Алкмеонидом был, Гиппонику² родней, отцом восхищался, мужем, прославленным смертью геройской? Алкивиаду, потомку двух знатных родов, досадны были уверения в красоте, слышимые со всех сторон? В том ли провинился, что вровень с предками стать мечтал? За то ль упрекнут Алкивиада афиняне, что, в распрях со Спартой, союзников привлек на сторону родины и предотвратил Аттики опустошение, театр войны за пределы ее перенеся? Быть может, напрасно стремился расширить державу, и тем вашу честь оскорбил?

138. Враждебны мы к человеку, когда посягнет он на наше имущество, но не тем ли более любезен нам друг, об умножении его радеющий? Алкивиад отечество видел владыкою над морем Ионическим, над Сицилией, Италией и Либией; Гесперию³ — оплотом Пелопоннеса, упрочить старался могущество государства войной победной, а затем над Лакедемоном [Спартой] возвыситься. На трибуне был Алкивиад непобедим, и завистники прибегли к низости: повредили гермы⁴ и ему приписали собственное святотатство; тогда же случилось кощунство против

¹ Клиний, отец Алкивиада, обладал столь крупным состоянием, что за собственный счет снарядил трирему для персидской войны. Пал в битве при Коронее.

² Алкмеониды — знатный афинский род; Гиппоник был тестем Алкивиада.

³ Ионическое — Адриатическое море; Либией называлась Африка; Гесперия — мифическая страна на крайнем западе земного круга.

⁴ Алкивиада обвиняли, в частности, в том, что он и его друзья изуродовали изображения Гермеса.

мистерий, и подкупленные метеки донесли на Алкивиада по наущению его врагов.

139. Теперь сосредоточьте все свое внимание: Алкивиад готов был ответить суду тотчас же и рассеять возникшие подозрения, но недруги добились приказа, вынудившего его к немедленному отплытию. Корабль шел на веслах в открытом море и не достиг еще острова назначения, когда пришло требование возвратиться. Алкивиад знал, что в Афинах ждет сго гибель, и рассудил здраво, приняв весть, доставленную «Саламинией»,¹ повелением: «Беги, Алкивиад. Спасайся, ибо приговор тебе уже произнесен. Враги, воспользовавшись твоей отлучкой, преуспели в коварных кознях, народ неистовствует, и участь твоя решена».

140. Алкивиад не принял по здравому размышлению несправедливости. Он нашел пристанище в Спарте и для виду интриговал против Афин. Чуть лишь упрочив доверие к себе лакедемонян, стал действовать в ваших, сограждане, интересах: склонял на сторону Афин Великого царя, в расчете лишить флот спартанцев денежной помощи персидского владыки и обещанных им триер. Борьбу же против ненавистной народной партии — вспомни, Анит! — начал Алкивиад, когда сами афиняне устыдились пред ним, беглецом оклеветанным, победителем многих битв на море и суше, завоевателем городов, и, раскаявшись, просили вернуться.

141. Я мог бы продолжить рассказ, освежив в памяти вашей во всех подробностях историю доблестного похода героя в Олимпию, во главе отряда, сна-

¹ «Саламиния» — афинский государственный корабль.

реженного из собственных средств. Но добавлю одно: во время нового взлета отличала поступки Алкивиада скорее честолюбивая поспешность, нежели низость души; то был муж, рожденный вершить судьбы земли, — павший, однако, жертвою вероломства, царящего в мире сем. Мы прослыши бы неблагодарными, позабыв о заслугах Алкивиада пред отечеством, позабыв о праве мужа на нашу признательность, кое неизмеримо более ему принадлежит, нежели его недругам, бывших причиной злополучного бегства.

142. Уклонился я в сторону, афиняне, в мыслях оправдать — не Алкивиада, не Сократа — вас самих в глазах потомков, дабы поняли они, что не поступились вы честью, примирившись со святотатцем, а лишь справедливость вернули невинному. Она — не я — защитит сегодня мужа, стоящего перед вашим судом. Она взывает Анитовы наветы изобличить, а потому согласится, в целях ясности рассуждения, допустить на времена, что прав обвинитель: Критий и Алкивиад равны виной перед законом, Сократа в том преступление, что был и того и другого учителем (пусть даже сам себя так и не называл). Теперь спрашиваю: виноват ли наставник в том, что леность, недостаток способностей иль добронравия помешали кому-то из питомцев его усвоить зерно наставлений, как хотелось учителю? Не в ученике ли самом, что безразличен остался к словам старшего — по легко-мыслию, а может статься, оттого, что с уроком в душе не соглашался, ибо склонялся к примерам иным, — причина никудышного результата? Представьте, для сравнения, землемельца, трудившегося на пашне усердно, орудия выбравшего наилучшие и самых крепких волов, однако оставшегося ни с чем, когда пришло время жатвы, ибо все приложенные усилия

бесплодие почвы сгубило? Кого обвините вы в неудаче — пахаря или безжизненный грунт?

143. Какому угодно ремеслу обучаясь — башмачника ли, плотника — успехами ученики не одинаковы: один превзойдет учителя, другой точь-в-точь приемы мастера повторяет, и на шаг от усвоенного урока отступить не отваживаясь; дурак же и азбуки дела не одолеет. А все потому, афиняне, что разнятся люди природой своей в дарованиях и способностях, и иной раз усилия воспитателя тщетны. Не смирись мы с истиной сей, посчитай учителя всемогущим — никто не дерзнул бы знанием поделиться — ведь воспользуйся им ученик неверно, а то и во зло окружающим, не сносить наставнику головы.

144. Уроков мужей-законодателей все мы, без различия возраста и звания, ученики. Жители страны — граждане и пришельцы, рабы и свободные, люди мужского пола и женского — законы почитают богоравными и предмет урока учить должны тщательно. Ведаем мы о наградах за прилежание и о карах за нерадивость. Но все ж дают то и дело корни зла ростки. Дерзкие законов не боятся, а кто-то — Анит, например, — думают, что их хитрее. Для Мелета же честь — звук пустой, и лишь деньги мыслями доносчика правят.

145. Но разве обвиним законодателей, Драконта или Солона, в злодеяниях, что свершаются установлениям их вопреки? Печалимся, что кончили уж дни свои мужи названные, и оттого не привлечем их к ответу за чинимые на глазах сограждан преступления? — Ничуть не бывало, именуем благодетелями отечества!

146. И как тут о вас не сказать, судьи, наставников афинян в неукоснительном законов исполн-

нении? Карою для преступника избираете вы изгнание, конфискацию имущества, лишаете жизни злодея неисправимого, отдав в руки Одиннадцати. Но наглядность урока числа мошенников не меньшил, и потребность в присяжных на нет не сводит. Назавтра же после казни принуждены вы собраться вновь — ради негодника, точь-в-точь такого же, что осужден был вчера. И как бы ни был закон суров, всех до одного праведниками не сделает.

147. Но коль скоро гидра зла то и дело голову поднимает, не страшась ни суда, ни жестокой кары, справедливо ли Сократа винить, если не всем из слушателей, в Ликее его окружавших, рассуждения здравые впрок пошли? Ведь не всегда и господин с рабом ленивым справляется, хотя вправе, суд хлопотами не бременя, проучить слугу по-своему — не словами, а бичем, оковами, клеймением, пыткою. Что же, больше власти, чем хозяин над рабом, за деньги купленным, имел Сократ над людьми свободными и знатными?

148. «Критий оскорбил народ». — Сократа в том числе. «Критий лишил афинян права речи свободной». — Сократу уста замкнул, бесед лишив привычных.¹ Не правда ли, странно? Ученик и наперсник, наставлениям старшего друга искренне веривший, отплатил учителю черной неблагодарностью — за претив жить, как душе полюбилось? Не разумнее ли заключить, что Сократ тиранию не принял, и за то был Критием обречен на молчание? Разве не тем скорее оказался б учитель в числе мужей, властию Тридцати обласканных, будь наставления его первопри-

¹ Критием был издан указ о запрещении Сократу публичных бесед со слушателями.

чиною беззаконий и жестокостей, что свершались учеником с преступными соратниками?

149. Не раз доводилось вам, афиняне, присутствовать при победе атлета. Кичится разве увенчанный ученик пред гимнастом, злорадствуя свысока над завистью учителя? Ничуть не бывало: миг торжества празднуют оба в полном согласии. Но вот перед вами Сократ, из чудаков чудак; ибо, дождавшись желанного триумфа — законов бессилия, демократии уничижения, Крития на вершине власти, — стоит в стороне, любимцу не рукоплещет, на благо тирана не трудится, хоть и никто ему впредь помешать в сем не сможет? И вместо этого тирана обличает, не заблуждаясь в участии инакомыслящего?

150. Толкуя об Алкивиаде и Критии, обходишь ты, Анит, молчанием другие имена, мужей, стяжавших славу добродетельной, пусть и частной жизнью. Что скажешь ты о Платоне? Критоне? Эсхине и Херефоне? В чем упрекнуть сможешь тысячи и тысячи других? Предали они друзей хоть однажды, отложились, быть может, к врагам? Какие законы низвели, какого тирана возвысили? Иль перечислял ты скрупулезно обиды, поэтам нанесенные, дабы собравшихся здесь запутать и стереть в их памяти слова Сократовы об умеренности, например, и вреде чревоугодия в разговоре с Аристиппом? О почитании родителей в беседе с Лампроклом? Надеялся, что позабудем мы, как примирил мудрец братьев, Херекрата и Херефона? Что говорил он о дружбе, с Антисфеном рассуждая?

151. Небезызвестны вам, афиняне, и Главкон, сын Аристона, косму помогли слова Сократовы от недостойного малодушия пред трибуной народной избавиться, и Хармид, сын Главкона, чье рвение

советы давать городу, напротив, не считал Сократ в юном возрасте полезным. И Перикл, сын Перикла, с немалою пользою для себя с Сократом беседовал, научаясь основам полководческого искусства. Да что говорить! Сколько их! — и не сосчитать всех, кого к добродетели вели Сократовы рассуждения¹ — к справедливости, благоразумию, уравновешенности, прямодушию, порядочности. Разве что обвинитель с товарищами в сей список не входят.

152. Здравый смысл, клевете непокорный, вас, афиняне, не покинет и признать правоту обвиняемого понудит, хотя и не привелось тому преданности отчизне собиранием земель государственных засвидетельствовать, подобно Тесею легендарному, собственной волею от себя единодержавие отложившего; и памяти Солона-завоевателя, Солона-законодателя, от уплаты пяти талантов неимущих должников избавившего,² Сократ по себе не оставит. Но смерть карою судья праведный ни Сократу, ни другому не объявит за то, что иных мужей старанием Саламин завоеван и законы написаны — или не хватит яда в достатке и чаши для него. Бессмертной же славе Тесея храм в Афинах воздвигнут, и Солон, в бронзе отлитый, на Агоре свою подтверждает.

¹ В пунктах 150—151 перечислены ученики и друзья Сократа; самые знаменитые — будущие философы Платон, Аристипп и Антисфен (см. Послесловие).

² Знаменитый законодатель, мудрец и поэт Солон (ок. 640 — ок. 560) начал свое правление Афинами с уничтожения долговых обязательств и облегчения участи бедняков (см.: Плутарх. «Сравнительные жизнеописания», «Солон», XV).

153. Говорилось немало обвинителем и о ненависти вашей, сограждане, к софистам — Анаксагору, Протагору, Диагору. Давай, Анит, рассудим вместе: отчего же Сократа она миновала? Ведь имей он те же провинности пред отечеством, те же цели преследуй в поступках и мыслях, что осужденные вами софисты, верно, и участи бы сходной не избег? Коль скоро имели б афиняне обыкновение богохульникам попустительствовать, и Сократ свое черное дело творил бы, уверенный, что сойдет оно ему с рук. Но истинное-то положение вещей прямо против сего свидетельствует: никто из действительно виновных от правосудия не ушел — следственно, Сократ ни причем?

154. Анаксагор заключен был в темницу справедливо вполне, ибо богохульствовал, рассуждая о природе Луны и Солнца. Протагор изгнан вами, ибо в богах сомневался. А Диагора убийцу, Диагора, над святынями и Элевсином потешавшегося, вы бы, сограждане, не судили, а монетою звонкой порадовали.¹ Так обстоит дело с названными тобою, Анит, людьми, но назови нам имен и вдвое больше, не удостоверишь, будто софисты, правосудием в нечестии изобличенные, на Сократа тень бросают, ибо не найдется свидетеля ни слову его, против богов

¹ Лица, упоминаемые в пп. 153—154: Анаксагор Клазоменский (ок. 500 — 428) — философ, объяснявший устройство мира (см. также: Платон. «Апология Сократа», прим. к с. 62). О Протагоре см. прим. к «Апологии» Либания, с. 149. Диагор, жил ок. середины 5 века, был последователем атомистической философии и, таким образом, стал противником как народной религии, так и мистерий; афиняне назначили награду тому, кто убьет его; бежал в Коринф, где, предполагается, и умер.

и законов сказанного, ни букве, враждебной рукою начертанной.

155. Далее, проклиная негодных софистов, толкуешь ты нам о Мильтиаде, Фемистокле и Аристиде¹ — мужах, кои у софистов не обучались, и именно оттого — как выходит по мысли твоей — удостоились звания народа афинского руководителей. Но Мильтиад кончил дни свои в темнице, а Фемистокл, прославивший себя победою в морском сражении, изгнан из города остракизмом — об этих обстоятельствах ты намерено забываешь, ибо как соединить их с понятием добродетельной жизни и отменной нравственности? Согласен ты,

¹ Имеется в виду знаменитый Мильтиад (ок. 550 — 489), стратег афинский, в 490 г. одержавший победу в Марафонском сражении; по обвинению в обмане и злоупотреблении доверием народа был приговорен к денежному штрафу в 50 талантов и, так как не мог внести требуемой суммы, посажен в тюрьму, где вскоре скончался. Фемистокл (ок. 524 — 459), афинский политический деятель и стратег; будучи архонтом в 493 г., расширил портовый город Пирей; победитель сражения с персами под Саламином; впоследствии был обвинен в преданности персам и, хотя был тогда оправдан, в 471 г. по настоянию противников, посредством остракизма изгнан из отечества; Аристид (ум. ок. 468/67), афинский политический деятель, аристократ, получил у народа прозвище «справедливый», чем возбудил к себе зависть Фемистокла, остававшегося из-за сильного противника в тени; воспользовавшись некоторыми доводами, Фемистокл сумел расположить изменчивое настроение народа против Аристида, и тот был удален из Афин остракизмом. Потом вернулся и предводительствовал афинянами в сражении с персами при Платеях (479 г.).

что не истина и справедливость на долю мужей выдающихся пришлись, а злонравная судьба? Но говорила она устами народа — возьмешься, быть может, уверять нас теперь, будто софисты толпой верховодили? Кто же из них, назови?

156. Итак, мужи, ни единственным словом софиста не испорченные, запятнали себя делом бесчестным; тогда как Перикл, сын Ксантиппа, народом правил и согласия с волей своей добивался легко. Под эгидою Зевса, царя богов, достоинства царского на земле учредителя, достиг сей муж всех мыслимых вершин в государстве, и послушались его сограждане, когда просил их питомец Анаксагоров учителя из тюрьмы вызволить. А может, уроки софиста — источник Перикловой славы и добродетели, и благодаря им снискал он признательность величайшую и любовь народа?

157. Что же касается Дамона,¹ то, коль скоро и правда преступен был — значит, и изгнан по заслугам; если ж вина его сикофантов стараниями раздута — о муже сожалею, неправедно обиженному. Надеюсь однако, никак на процесс сегодняшний ссылка обвинителя на тот, что в давние времена состоялся, не повлияет и Сократу не повредит, хотя и щитится Анит втолковать судьям: Дамона покарали изгнанием, а ведь виновен муж в проступке незначительном — и злейший враг не говорил о нем (как здесь говорят о Сократе), что он законы ниспрoverгнуть

¹ Дамон, крупный знаток музыки и государственный деятель, учитель Перикла, был подвергнут изгнанию остракизмом, по утверждению Плутарха, «за разумность» (см.: Плутарх. «Сравнительные жизнеописания». «Перикл», 4; см. также: Диоген Лаэрций. «Сократ»).

намерен. Но, может статься, противник Дамонов на суде — из тех был людей, что меру знают?! Впрочем, как бы ни было, случается, за злодейство мелкое со всей строгостью спрашивают, а на тяжкое глаза закрывают.

158. Кого же воистину жаль, так это Бианта, Солонова помощника, друга справедливого Пифии в Дельфах. Обесчещен безвинно Биант и с ним многие другие, стяжавшие Ионии богов благословение. Ни Фалес, ни Мелисс, ни Пифагор¹ не отдавали города ионические под иго иноземцев, не подстрекали граждан к войне братоубийственной; виною природа человека, что битвы междуусобные порождает, и персы, жаждавшие мир завоевать. Могущество же персов не Пифагор упрочивал, и не Мелисс, а Кир, Креза с престола свергший, а еще раньше Дарий.

¹ Биант, родом из Приепы, жил предположительно между 590 — 530 годами; один из Семерых мудрецов Греции, судья; Фалес — один из Семерых мудрецов Греции, родился в Милете в 624 г., умер в 546 г. До нас дошли только разноречивые и недостоверные заметки о нем. Иногда его называют основателем геометрии и астрономии у греков, иногда первым философом. Мелисс — государственный деятель и философ, жил на о-ве Самос в середине 5-го столетия, ученик Парменида; Пифагор (ок. 540 — 500) — знаменитый философ, с именем которого уже издавна были связаны сказочные предания, так что трудно отделить правду от вымысла. Неоплатоники утверждали, что он заимствовал свою мудрость из культов и тайных учений Востока. Главным источником для ознакомления с философией Пифагора служат отрывки и сочинения Аристотеля (см. также: Плутарх. «О демоне Сократа», прим. к с. 236).

159. Софисты же никоим образом причиною перечисленным злополучиям не были. Лакедемоняне, как это им ни горько, правду слов моих признают; ибо именно их страна от смут гражданских страдала долее всех прочих, именно они под десницаю персов едва не очутились из-за козней самоуправца Павсания.¹ И по сию пору проклинают греки память мужа, ни одного софиста не видашего и в глаза.

160. Легко предположить — поразмысли, Анит! — что занятия философией пошли бы на пользу Фрасибулу и Конону.² С другой стороны, Критий и Алкивиад, возможно, выросли б малыми вовсе беспутными, если б знакомство с наукой сей души их не смягчило. Горячности последних она, пусть слабой, но уздою служила — наверно, и в сердца первых хоть каплю миролюбия влить бы смогла?

161. Но довольно об этом. Созвали суд Анит с Мелетом, толкую Сократу и всем собравшимся о праведности и справедливости. Не пристало мне пред людьми благонамеренными и законопослушными рассуждать о том, что значит вести жизнь порядочную, и Сократов образ мыслей согражданам известен, — все ж спрошу кое о чём Анита.

¹ Спартанский царь (480 — ок. 467); умер в изгнании.

² Фрасибул, один из освободителей Афин от тирании Тридцати (403 г.); несмотря на первоначальную благодарность народа восстановителю государства, вскоре, вследствие слишком честных восхвалений своих заслуг, был оттеснен другими народными вождями на задний план и лишился политического влияния. Конон — знаменитый афинский морской военачальник, отличившийся во время Пелопоннесской войны.

162. И как же, по-твоему, вести себя долг гражданина велит? Почитать богов, согласно с законами отечества? — Сократ все признанные обычаи соблюдал, и афиняне тому свидетели. Родителям помогать всем, чем можешь? — Он и других побуждал сил для родных не жалеть. Не причинять никому зла? — Ко всем Сократ ровен был и справедлив. Подчиняться властям? — Не противился никогда принятому решению. Законы соблюдать? — Был им верен. О семье иметь попечение? — И о людях заботился, кои не были в числе его домочадцев.

163. И ты его, будто неучка, наставляешь в том, почему он всю свою жизнь других учит? Ведь это все равно, как если бы кто-то Мелету растолковывать принялся, как в ремесле сикофанта упражняться. Сговорившись с ним, стыда не боясь, зовешь ты Сократа другом тиранов. Уж не думаешь ли, что тебе поверят? Сократ — друг тиранов, и из чего, скажи? Из недостатка здравого смысла, себялюбия? Из корысти, жадности к золоту, украшениям драгоценным? К роскошным одеждам — что там еще? Как бы не так! Да любой пришелец, посети он Афины, послушай речи горожан в собрании, на вопрос: «Если б случилось выбирать тебе из жителей города наилестнейшего, кому бы свой голос отдал? — ответил бы вот что: «Сократу, ибо он согражданам друг, он несуетен, честен, духом высок и образованностью. Не ослепит его, не покажется счастьем блеск двора и самого Азии держателя, не говоря уж о роскоши тиранов не столь именитых».

164. Но к чему рассуждения пустословные, когда и весомее доказательство представить могу в том, что афинянин сей самодержавную власть не примет? Ведь многие тираны, наслышанные о Со-

кратовых добродетелях, охотно имели б мудреца в числе приближенных.

165. Еврилох из Ларисы, Скопас из Кранона и сам Архелай, правитель Македонии,¹ слали к нему гонцов, золотые горы суля. А он — тот, кто юношей афинских законы попирать наущал — неизменно от предложений отказывался, и письменно, и устно, подарки богатые отправлял обратно, и родину покинуть не думал, ибо любил ее и детям своим, и внукам, и самым дальним потомкам желал оставаться свободными гражданами Афин.

166. И продолжал жить, как жил, достойно и мудро, не внимая посулем владык горделивых, ничуть бедностию не тяготясь; а с сикофантом, за наживой туда-сюда шныряющим, не поменялся бы Сократ привычками, пообещай ему за то в награду владычество над всею Фессалией.

167. И вот этого человека торопитесь вы отдать смерти, поступившись клятвою, вас связавшей, и свершить готовы сие на основании речи Анитовой? И не боитесь богов разгневать? От истины отворачиваясь — не от наветов лживых? Отчего служителей музы божественной к ответу не призовете, не на них — на мужа нападаете, кто чутким слухом звук фальшивый в творениях поэтических ловил? Смерти Сократ не трепещет, ибо познал философию. Там, за чертою, учит она, награда ждет достойного, там сами боги станут ему собеседниками, и разрешится с поэтами спор. С радостью примет Сократ долгожданную встречу с бессмертными! Но вы, судьи,

¹ Скопас — фессалийский правитель; Архелай (ок. 413 — 399) — македонский царь. Еврилох — лицо неизвестное.

остерегайтесь желанию подсудимого пособничать, и честь свою приговором неправедным запятнать! Ибо хозяин ваш — закон беспристрастный, ни единым словом о поэтах рассуждать не возбраняющий.

168. За рассудительность и благопорядочность, отличавшие Сократа в жизни, ждут его в Аиде великие награды, но и вы, афиняне, воздайте достойному по заслугам, ибо он трудился для вас неустанно и, семейством обремененный, бедность предпочитал пути нечестному к благополучию. Домашних своих учил Сократ довольствоваться малым, большую часть дня посвящал заботе о горожанах, сыновей ваших от порока — вина, азартной игры и прочих — отвращая. Бранил отцов легкомысленных, вождей бездеятельных тормошил, ораторов речистых колол вопросами, для блага общественного небесполезными.

169. С лекарем, тело врачующим, Сократа сравнил бы я. С тою лишь разницей, что афинянина Сократа хлопоты большею пользой для сограждан оборачивались — ведь пекся он о здоровье и крепости души. Отчего же тех, кто искусством своим менее важное исцеляет, благодарить вы привыкли, а от Сократа готовы избавиться? И это плата наставнику в добродетели, награда отцу заботливому молодежи афинской? Решитесь ли, судьи, мальчиков осиротить? Лишить их дома отчего, где речь свободная льется, злосчастной рукою дверь в него запереть?

170. Плачьте, дети горемычные, плачь, Ксантиппа, жена, достойная сожаления! Не прольются слезы из очей Сократа, ибо не боится он смерти и готов к пути дальнему, в благословенное жилище сонма праведных. Просьбой о милости себя не унизит; мужественной души не предаст вам — нет, не вострепшет мудрец, словно какой-нибудь варвар, в преддверии

близкой смерти. Вы же, дети афинские, молите судей, стенаите, кричите громче, дабы услышали вас!

171. И я, не колеблясь, к вам примкну. Не дайте погибнуть, мужи-афияне, своему лучшему другу, советчику всем людям разумным, честнейшему из сограждан. Не встанет Сократ во главе войска, но душе поможет исправиться. Кормчим корабля в море не выйдет, но остережет тицеславцев от похода губительного. И его литургия отечеству не уступит вашим, судьи, трудам, по значению.

172. Сколь многих отцов беспечных, о сыновьях не заботящихся должным образом, Сократ образумил, сколь многих братьев рассорившихся помирял, сколь многих людей от поступка и помышления бесчестного против родителей отвлек! Ибо боялись афияне речи его обличительной больше любого судилища; всякий знал — без труда от обвинителя мздою отделаешься; Сократа же не соблазнишь деньгами, не добьешься его молчания, когда справедливости ущерб грозит. И вот теперь готовы вы к чаще приговорить Сократа, ибо исправляя вас, за дурное браня?

173. Но подумайте о том, что станут говорить о вас, афияне: предавались жители города разнообразнейшим заботам, а о душе добродетельной не пеклись; о богатстве хлопотали — не о жизни праведной, и вдобавок того, кто не мог с легкомыслием примириться, и сограждан учил добру со знанием дела — погубили. Его, лучшего друга всем соотечественникам, неустанно для пользы общей трудившегося, казнили они, будто воина вражеской армии, поля Аттики опустошившего! Убили достойнейшего человека, не посчитавшись и с возрастом его поченным! И стяжали себе тем славу недобрую. Да разве станут державы соседние на благожелатель-

ность вашу надеяться, просльшав, сколь жестоко обошлис афиняне с лучшим из жителей города!

174. Сократ еще с нами, среди живых, и кому-то сие не по нраву; когда же перестанет сердце мужа биться, вспомните вы процесс сей судебный, и восплачите, уверен в том, от боли неизбывной, упреками осыпая обвинителей, присяжных и самих себя, к злому делу не меньше причастных; окружат вас друзья Сократа и знакомые его, скорбящие родственники, придут на память беседы умершего с горожанами. Повстречается пришелец, Афины навестивший ради встречи с Сократом, и обнаруживший здесь могилу его. Отправится он бродить по городу с попутчиком, обходить места, где бывал Сократ, скажет: «Вот где, слыхал я, говорил он о рассудительности, здесь о храбости речь вел, а тут о справедливости. Здесь Продика превзошел, здесь с Протагором в мудрости состязался, там над элейцем Гиппием в споре верх взял, а там над Горгием из Леонтиды».

175. И навернутся на глаза слезы, и опустят головы горожане, ибо не посмеют отрицать, что чаша с ядом выпита до дна, и постыдятся взглянуть друг на друга. О, как много зла, недовольства возбуждает сейчас сердца ваши, афиняне! Опомнитесь, молю, не упустите время для здравого решения, ибо потом наступит оно для раскаяния и сожаления о безвозвратном. Не отворяйте в гимнасии двери для беседы о кошельке тяжелом, не запираите их в доме своем для мудрости, гости нежеланной! Представления ужасного, духа афинскому чуждого, зрителями не делайтесь: вот выносят тело Сократа за тюремные стены для погребения, провожают его в последний путь друзья, навек утратившие счастье голос его слышать, пению соловья подобный, молчат Сократовы товарищи-едином

мышленники, проклиная в душе соотечественников, и покидают город один за другим, отправляясь в Мегару, в Коринф, в Элею, в Эвбейю; поросль афинская в чужих землях расцветает, и обращаются юноши к встречающим их на чужбине с такою речью: «Примите нас, граждане, беглецов из Афин; мы не предали отечества, не бросили знамени, честью юного сердца не поступились; не восставали против законов. Искали лишь знания и совершенства духа, но у сограждан наших они не в почете, и опасаемся мы нападок. Оклеветали Ликон с Мелетом Сократа в глазах афинян, а Анит судебную речью подвел свободе мужа, а затем и жизни его черту. Оттого остерегаемся мы афинянами оставаться и принуждены у вас искать пристанища».

176. Найдут юноши в чужом kraю пристанище, утешение и духом воспрянут. Не смолчат, и на весь свет разнесется об Афинах недобрая слава. Люди здравомыслящие потребуют наказания — для убийц, обвинителей, судей, да и для граждан рядовых. Ибо никто из них кривде не воспротивился, а стало быть, преступления соучастник. Заклеймит вас на веки вечные несмыываемое пятно позора. Писатели знаменные в трудах своих его обессмертят — ведь записанная история повествует бесстрастно о добром и злом, и не вычеркнешь ни строки из памяти человеческой.

177. Помните о Миносе, весь род коего беды постигли и посрамление из-за любовных утех Пасифаи.¹ Поведали нам о том трагедии. Завоеватель морей всемогущий за зло, причиненное нашему го-

¹ Минос — легендарный царь Крита, впоследствии один из судей в Аиде. Пасифая — его супруга, согрешившая с быком; от этой любовной связи родился Минотавр.

роду, казним и поныне словом поэта. Бойтесь свидетельств, что о позоре расскажут!

178. Но не зря ли пугаю присяжных пред обдумыванием решения лишь трактатами поколений грядущих? Ибо много страшнее, афиняне, Пифии гнев, оракула бога дельфийского; бойтесь голосованием вешающего с треножника оскорбить, безумцу Идасу¹ уподобиться, посагнувшего стрелу смертоносную на бога поднять. И вы ныне на Аполлона восстали, ибо божественному свидетельству Сократовой мудрости, возглашенному некогда в земном средоточии, здесь, в афинском суде, отвечаете: «Муж сей повинен смерти».

179. Как же после кощунства в Дельфы с жертвоприношением отправитесь? Как молитвы возносить станете? Как вопросите треножник, если прощанием его пренебрегли? Вы, народ афинский, кто более всех прочих славы оракула должен! Его предсказанием вы от бед избавлялись, владычеству персов противились, державу колониями расширяли, ему благодарны, что первыми из земледельцев-эллинов плоды земные жертвуете божеству.

180. Вообразите на мгновение — да сохранят нас боги от ужасного несчастья! — как взвываете к божеству о помощи, но изгоняете вон из храма; ясно указана вам вина: Сократ, муз и Аполлона служитель, приговором вашим умерщвлен. Вот уж тогда воистину мы честью в глазах греков возвеличимся! Убивший Архилоха² богами отвергнут, хотя законом

¹ Могучий сын Афарея, убивший Кастора.

² Знаменитый греческий поэт (род. в 650 г.)

войны обелить себя мог. Чем же вы, сограждане, оправдываться станете, а ну-ка, ответьте!

181. Ведь и жрецов своих Аполлон не щадил, за Эзопа-баснописца подвергнув гонениям. Кто же из вас, будь он бесчувственнейшим упрямцем, фригийца Эзопа с Сократом сраввит? Неужто надеетесь, что милостиво бог вину вам за смерть афиняна спустит, коль скоро первое злодейство почел чудовищным? Вина наша велика, но есть еще время сискать у эллинов снисхождения. Не усугубляйте же, афиняне, ее многократно чрез смерть Сократа по необходимости законной, отведите несчастья от отечества, пока в вашей власти гнев Аполлона умерить! Цветами корабль украшен, везущий хор в Делос, — не оттого ли, что сам Аполлон свой голос за оправдание отдал?

182. Ибо боги, о афиняне, к друзьям муз благосклонны. Либефры¹ страшную кару волею божества в судьбе претерпели. Поплатился народ и страна за смерть Орфея одичалостью, слепым безрассудством, невежеством, безучастием скотоподобным к красоте и добру. О сограждане, не ввергайте Афины в подобное!

183. Критон, Сократу годами сверстник, из дема того же родом, — взываю к тебе: поведай судьям о друге! Детей саламинца Леонта зовите!² Его отказался Сократ привести на расправу тиранам. Да встанут свидетелями в суде афинском Фрасила,

¹ Либефры — скорее всего, древняя народность, жившая в Македонии.

² О Леонте Саламинском см.: Платон. «Апология Сократа», прим. к с. 72).

Перикла, соратников-воинов тени — мужей, вопреки уговорам Сократа незаконно казненных! ¹

184. Ни слова больше, Анит! Страхись грядущего! Кадмова победа ² сулит расплату. Брошены были вожди в оковы — и кем? — Калликсеном, о собственном близком конце не ведавшим. Остерегись же примера сего и на путь Федонов вступи, кто философией от презренных пороков избавился. Ибо всю свою жизнь сим лекарством — им лишь одним — «губил» Сократ юношей.

¹ Имеются в виду события, последовавшие за битвой при Аргинузских островах, когда казнили неповинных стратегов. (См.: Платон. «Апология Сократа», прим. к с. 71).

² Выражение «Кадмова победа» имело тот же смысл, что сейчас мы вкладываем в выражение «Пиррова победа». Кадм — сын мифического царя Агенора; основал Калмую, впоследствии Фивы. Убив Дракона, Кадм засеял землю его зубами, из которых выросли воины, перебивших друг друга.